Сверхъестественное. Мифотворец

Автор:
Тим Ваггонер

Сверхъестественное. Мифотворец

Тим Ваггонер

Сверхъестественное

Двадцать два года назад Сэм и Дин Винчестеры потеряли мать, которую погубила таинственная злая сила. Когда они выросли, отец рассказал им о демонах, которые таятся во тьме и бродят по проселочным дорогам Америки. А еще он рассказал им о том, как с ними бороться…

Юная художница Рене Мендес живет в маленьком городке в Иллинойсе. Девочка-подросток любит рисовать странных существ из своих сновидений. Рене не знает: все, что она изображает на бумаге, оживает в реальном мире. Новые, нарисованные ею, а теперь материализовавшиеся боги ищут свою паству среди обитателей городка и борются за превосходство, убивая людей и друг друга. Их схватки продолжаются до тех пор, пока в живых не остаются двое. Эта пара наделена фантастической силой. Сэм и Дин приезжают в Иллинойс, чтобы разобраться с «чудесами», сотворенными новыми идолами. Впереди – битва двух мощных богов за право властвовать единолично, и братьям нужно остановить их, пока боги не стерли с лица земли целый город.

Действие романа разворачивается во время десятого сезона сериала, между эпизодами «Полиция Хиббинга спешит на помощь» и «Что осталось после нас».

Тим Ваггонер

Сверхъестественное. Мифотворец

Tim Waggoner

SUPERNATURAL

Mythmaker

© Е. Цирюльникова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Copyright © 2021 Warner Bros. Entertainment.SUPERNATURAL and all related character and elements

© & ™ Warner Bros. Entertainment Inc. (s21)

Глава 1

На лбу Рене Мендес выступили капельки пота. Она работала кистью слишком долго – как минимум несколько часов – и теперь мышцы правой руки горели огнем. Спина и плечи болели, ноги тоже, в животе ныло и урчало. Когда она ела в последний раз? Утром? Вчера? Она даже не помнила точно, какой сегодня день.

Рене стояла перед холстом, натянутым на деревянный подрамник, справа пристроилась маленькая скамеечка с россыпью кистей и тюбиков краски. Кусок старого плавника, служивший самодельной палитрой, был усеян пятнами краски, выдавленной из тюбиков и частично перемешанной. Ее студия, какая-никакая, но студия, располагалась в углу родительского гаража. Отец выделил Рене это место, когда после окончания старшей школы она начала брать уроки рисования в общественном колледже Элдриджа. Места было немного: сделав

шаг назад, Рене врезалась бы в мамину машину, вправо – ударилась бы локтем о стену, влево – толкнула бы ногой прислоненный к стене листодув. Однако она была благодарна родителям за разрешение работать здесь: так не приходилось ездить в колледж и пользоваться такой же крохотной и захламленной студенческой студией. В гараже она могла работать, когда заблагорассудится, хоть днем, хоть ночью, и ее никто не отвлекал. Родители с готовностью оставляли ее в покое, пока она писала. Да, заходя в гараж, они могли заглянуть ей через плечо, но никогда не пытались вовлечь в разговор, спросить, что она рисует и как продвигается работа. За это она была им очень благодарна.

Иногда мать беспокоилась за нее, особенно в последнее время. «Ты высыпаешься? Ты выглядишь очень усталой и едва притронулась к ужину». Рене было девятнадцать, и, хотя тревоги матери ее раздражали, – Рене уже вышла из детского возраста – она также понимала, что мама заботится о ней. В глубине души она осознавала, что у матери имеются основания для беспокойства. Рене начала рисовать с того возраста, когда впервые смогла удержать в руке мелок, и с тех пор предпочитала это занятие всем прочим. Но последние несколько дней выдались особенно продуктивными: в ярком пламени вдохновения она выдавала один рисунок за другим. Она никогда раньше не испытывала ничего подобного. Рене будто бы захлестнуло волной художественного вдохновения, и теперь оставалось лишь полностью отдаться его воле. Ощущения были одновременно восхитительные и пугающие, но остановиться Рене не могла при всем желании. Она должна была продолжать рисовать.

Ее длинные темные волосы были собраны в хвост, чтобы не задевать ими холст. На ней была старая футболка и потрепанные джинсы сплошь в цветных кляксах. Во время работы Рене максимально приближалась к холсту, не из-за плохого зрения, а чтобы лучше сосредоточиться на деталях. Этот рисунок был почти закончен, осталось нанести лишь завершающие штрихи. Обычно Рене изображала объекты из реальной жизни: цветы, птиц, деревья, людей… Но с недавнего времени ее воображение занимали фантастические персонажи – мужчины и женщины со странной неестественной внешностью и удивительными способностями, словно сошедшие со страниц романов фэнтези или комиксов. Сейчас, например, она дорабатывала женщину с жестоким выражением лица, чьи волосы до талии, безупречная кожа и платье без рукавов в пол казались сделанными из серебристого металла. На правой ее руке был длинный металлический наруч с перчаткой, превращающей пальцы в подобие когтей. Чего-то, однако, недоставало, и Рене никак не могла сообразить, чего именно. А потом ее осенило. Обмакнув кисточку в белую и синюю краски, она парой быстрых мазков заставила глаза женщины искрить электрической энергией. То,

что надо.

Опустив кисть, Рене отступила назад, чтобы полюбоваться своей работой. Но в этот же момент краски начали блекнуть, и спустя несколько секунд нарисованная женщина исчезла, оставив после себя пустой холст.

Это могло бы показаться странным, но Рене не удивилась, ведь то же самое случилось с дюжиной прошлых картин. Почему эта должна была повести себя по-другому? Вздохнув, Рене выбрала наугад очередной образ из десятков, что крутились в голове, – мужчину в белом лабораторном халате со странным предметом в руке – золотым жезлом, обвитым змеями, – и подняла кисть.

– В конце концов останется лишь один, – пробормотала она, принимаясь за новый рисунок.

* * *

– Поверить не могу.

Джеффри Рамзи шагал по тротуару в центре Коринфа, штат Иллинойс, в компании своего друга Джимми Рида. Ну, возможно, «друг» – слишком сильно сказано. Скорее, временный приятель. Джеффри был бездомным уже почти три года и считал, что проще ни к кому не привязываться. На улицах нужно первым делом заботиться о себе любимом, даже если эти улицы расположены в маленьком городке на Среднем Западе, а не в мегаполисе. Джеффри полагал, что во многом бездомному в маленьком городе приходится хуже. В крупном городе как минимум больше мест, где можно переночевать, не привлекая внимания копов, и найти подработку-другую, чтобы разжиться едой. В отличие от Коринфа. Все утро они с Джимми ходили от одного заведения к другому, но пока не нашли ни единого занятия. Никому не надо было выносить мусор, подметать полы и таскать тяжелые коробки. Обычно удавалось отыскать хоть что-то. Но не сегодня.

– Бывает и так иногда, – заметил Джимми.

В какой бы ситуации они ни оказались, Джимми никогда не унывал. Это его качество жутко раздражало Джеффри.

– Да ну? Если так и дальше пойдет, придется нам лечь спать с пустым брюхом.

Джимми пожал плечами.

– Не впервой.

Джеффри вздохнул.

– И не поспоришь.

Джеффри пытался вспомнить все места, где можно подработать. Шла вторая неделя декабря, и на земле уже лежал снег, но солнце оставалось теплым, небо безоблачным, а воздух безветренным. Джеффри, однако, знал, что вскоре погода ухудшится. Он был одет в тонкую коричневую куртку, натянутую поверх фланелевой рубашки и двух футболок. Главное для бездомного – многослойность одежды. Эта куртка не согреет в иллинойскую зиму, но пока ничего теплее у него не было. Его полукеды тоже были в бедственном состоянии. Джеффри чувствовал, как холодный воздух проникает в многочисленные дыры, а когда шел дождь, ноги неизменно промокали, сколько бы пар носков он ни надевал.

Гардероб Джимми был не лучше: синяя ветровка – тоньше, чем даже куртка Джеффри; джинсы с дырами на коленях да старые разбитые рабочие ботинки, которые он заклеивал скотчем столько раз, что в них почти не осталось исходного материала. Им обоим понадобится более теплая одежда – и довольно скоро, но с этим придется повременить. Сперва надо было поесть.

За исключением похожей одежды, они были полной противоположностью друг друга. Джеффри – темнокожий, Джимми – белый. Джеффри невысокий и коренастый, Джимми – высокий и тощий. Джеффри было за пятьдесят, и его борода порядком поседела, а Джимми было тридцать с лишним, он щеголял чахлой клочковатой бородкой и светлыми волосами до плеч. И, разумеется, Джеффри был склонен к пессимизму, а Джимми предпочитал обращать внимание на хорошее. Прямо сейчас настроение у Джеффри было точно неважное.

Центр Коринфа представлял собой нагромождение узких двух- и трехэтажных построек, возведенных в сороковые и пятидесятые из красного кирпича и серого камня. Годы шли, и с ними исчезали магазины и кафе, но сейчас здесь располагались кафетерии, рестораны, салоны антиквариата, секонд-хенды, модные художественные галереи, букинистические лавки и тому подобные места. Старая архитектура не должна была бы сочетаться с неформальной атмосферой торговых точек и общепита, но каким-то образом они дополняли друг друга. Владельцы малого бизнеса, которые с трудом удерживались в центре, обычно с сочувствием относились к бездомным, но в праздники уделяли больше внимания собственным нуждам. Джеффри не мог их винить. Если те не заработают хорошенько в это время года, то многим из них придется закрыть свои двери навсегда. А покупателям очень не нравится натыкаться на двух бездомных, шатающихся по округе в поисках пары баксов. Джеффри надеялся, что пройдет еще неделя или две, прежде чем они станут нежеланными гостями в центре, но, судя по их сегодняшним успехам – точнее, отсутствию таковых, – кажется, праздничный сезон в Коринфе начался всерьез. Теперь, наверное, найти подработку получится только после Нового года.

«Мир на Земле и счастья всем»[1 - Строчка из рождественского гимна на стихи Генри Лонгфелло «Рождественские колокола».], – с горечью подумал Джеффри.

Полдень еще не наступил, но на улицах было достаточно машин, и почти все парковки были забиты. Пешеходы, однако, встречались нечасто. Жители Коринфа предпочитали добираться на автомобиле до интересующего их места, делать дела и возвращаться к машине. Им было не до разглядывания витрин.

Джеффри трудился у станка двадцать лет, но потом фабрика сократила всех рабочих и закрылась. Он получал пособие, пока искал работу, но как-то поздно вечером, когда они с Эллен возвращались из кино, автомобиль с пьяным водителем за рулем выскочил на перекресток и протаранил их машину с пассажирской стороны. Эллен погибла на месте. Джеффри повезло меньше. Его многочисленные травмы потребовали многочисленных же операций. В нем было столько спиц и штифтов, что металлодетектор в аэропорту, наверное, запищал бы на него уже метров с пятнадцати. С закрытием фабрики медицинская страховка перестала действовать, а все сбережения Джеффри ушли на похороны. Он не смог оплатить больничные счета с астрономическими суммами и потерял дом. Они с Эллен не были женаты и не завели детей, а его немногие родственники жили в районе Чикаго. В общем, оставшись без крова, Джеффри попал на улицу и там и остался.

– Странно, а? – сказал Джимми.

Вопрос оторвал Джеффри от мрачных мыслей. Он повернулся к приятелю.

– Что?

– Украшения.

Джеффри огляделся. Сперва он не понял, о чем толкует Джимми. В центре все заведения украшали свои фасады на праздники – начиная готовиться к Рождеству задолго до Дня благодарения, – и этот год не стал исключением. На дверях висели венки, а в окнах красовались картонные фигурки снеговиков, Санты, Джека Фроста[2 - Джек Фрост – персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму.] и даже несколько дрейдлов[3 - Дрейдл – четырёхгранный волчок, с которым дети играют во время еврейского праздника Хануки.]. Но приглядевшись, Джеффри начал понимать, что имел в виду Джимми. Привычные украшения были в изобилии, да, но среди них виднелись и другие, странные и нетипичные. На витрине магазина «Музыкальный городок», что находился через улицу, с внутренней стороны был нарисованчерный спиральный узор. Дверь ломбарда «Золотое дно», расположенного через пару зданий, украшала висевшая на ручке соломенная фигурка. По форме она напоминала человека, но у нее были две головы и четыре руки. А на их стороне улицы, совсем недалеко, антикварная лавка «Сокровища и безделушки» выставила на тротуар деревянный знак с красной надписью. Вместо рекламы на доске значилось: «Да здравствует Арахнус!», причем под буквами были нарисованы тонкие нити паутины.

Джеффри нахмурился:

– Что за фигня?

– Не обращайте внимания на знаки ложных богов, – послышался сзади суровый голос.

Быстро повернувшись, Джеффри и Джимми увидели женщину. Джеффри не заметил, как она приблизилась, и сначала ему почудилось, что она появилась словно из ниоткуда. Мысль была безумной, но Джеффри не мог от нее избавиться. Женщина была серебряной с головы до пят: от платья до кожи.

Возможно, она уличная актриса, которую наняли привлекать покупателей? Но на ее теле, кажется, не было ни грима, ни краски. Волосы напоминали искусно выкованные металлические нити, а глаза мерцали нездешним бело-голубым светом. Платье было сделано из какой-то помеси металла и ткани. Пока женщина стояла, оно казалось твердым, словно доспех, но стоило ей пошевелиться, и платье тоже пришло в движение, внезапно став мягким и податливым. Правую ее руку до середины предплечья закрывала длинная металлическая перчатка. Нет, не перчатка. Есть более подходящее слово. А, точно, наруч – он самый, наруч с перчаткой. Наруч был все того же серебристого цвета и начищенный до такой степени, что сиял на солнце. Пальцы перчатки заканчивались угрожающими когтями, от одного вида которых Джеффри пробрала дрожь. Он представил себе, как эти когти полосуют плоть, как их острия режут кожу и мышцы – с той же легкостью, с какой нагретый нож входит в теплое масло. Его замутило от воображаемой картины, но в то же время он ощутил трепет при мысли о том, какой вред способна нанести эта перчатка.

«Да что со мной, черт возьми?» – подумал он.

Он не был склонен к насилию, в жизни никогда ни на кого руки не поднял. И все же он не мог отвести взгляд от наруча и смертоносной перчатки.

Отличительной чертой нетипичной внешности незнакомки был ее рост: он превышал два метра, и благодаря этому женщина, возвышаясь над Джимми минимум на полтора десятка сантиметров, выглядела властно. Кроме того, она излучала ауру силы, могущества. Джеффри чувствовал эти волны почти физически, и казалось, что воздух пронизывает тихое гудение, словно он стоит около только что запущенного мощного механизма.

– Я Адамантина, – представилась женщина холодно и равнодушно, с отголоском гулкого эха, от которого у Джеффри встали дыбом волоски на затылке. – Я только что воплотилась.

Джеффри взглянул на Джимми, но тот лишь пожал плечами. Джеффри снова развернулся к Адамантине, не глядя ей в глаза: он просто не мог вынести сияющий в них свет. Он попытался заговорить, однако голос его не послушался. Сглотнув, он попробовал еще раз.

– Мы не понимаем, – сказал он приглушенно, едва ли не благоговейно, испытывая почти непреодолимый порыв опуститься на колени перед этой странной женщиной.

Он остался на ногах лишь усилием воли.

Адамантина не обратила на его слова никакого внимания. Она огляделась так, будто все окружающее ее видит впервые. Автомобили продолжали двигаться ровным потоком, и, хотя большая часть водителей были сосредоточены исключительно на том, чтобы добраться до места назначения, те, кто успевал заметить высокую серебряную женщину, таращились на нее с открытыми ртами, проезжая мимо.

– Скромненько, – наконец проговорила Адамантина. – Однако, полагаю, сойдет. – Она взглянула на Джеффри и Джимми с улыбкой на серебряных губах. – Как вас зовут?

Поначалу оба молчали, но потом сперва Джимми, а потом Джеффри назвали свои имена.

Адамантина склонила голову, будто в официальном приветствии.

«Как будто она королева или кто-то в таком духе», – подумал Джеффри.

– Сегодня вы удостоились великой чести стать моими первыми служителями. Преклоните колени, примите меня в свои сердца, и я приведу вас к триумфу.

Пока Адамантина говорила, ее харизма, которая и без того была намного мощнее всего, что когда-либо влияло на Джеффри, стала еще ярче. Он ощутил, как сила, хлынувшая из нее, обволакивает его, зовет его, обещая, что он может стать частью чего-то большего, что ему не придется жить на улице и браться за самую черную работу, чтобы успокоить голодное брюхо несколькими крошками. Что если он пойдет с Адамантиной, то будет сыт – и есть будет хорошо.

Джеффри открыл было рот, но тут Джимми быстро мотнул головой, словно пытаясь стряхнуть наваждение. Затем он взглянул на Адамантину и рассмеялся.

– Не знаю уж, чем вы закинулись, дамочка, но эта штука, должно быть, ядреная. Отвести вас в бесплатную клинику? До нее всего пара кварталов. Или мы можем побыть с вами, пока вы не очухаетесь, чтобы ничего дурного не приключилось.

Улыбка Адамантины угасла, а брови сердито сошлись на переносице. Гудение вокруг нее усилилось. Она бросила на Джимми пылающий взгляд.

– Ты смеешься надо мной?

Она произнесла это тихо, но в интонации безошибочно – для Джеффри, по крайней мере – прозвучала ярость. Он попытался привлечь внимание Джимми и жестом попросить его замолчать, пока никто не пострадал, но Джимми не заметил его усилий.

– Разве что чуть-чуть, – признался он. – Но согласитесь, что костюмчик на вас просто безумный. Вы же в курсе, что Хэллоуин вот уже два месяца как прошел, правда?

Адамантина секунду просто разглядывала его, затем сделала шаг вперед. Она не торопилась и вообще не двигалась хоть сколько-нибудь быстро, но мгновение спустя оказалась прямо перед ним, почти вплотную. Не успел Джимми глазом моргнуть, как она схватила его за горло рукой в наруче, и гудение стало громким до боли в ушах. Воздух наполнился треском, а по металлической поверхности наруча забегали тонкие электрические разряды. Джимми вытаращил глаза и заорал, дергаясь всем телом, будто какая-то невидимая сила трясла его. Или нет. Как будто его било током.

Джимми схватился за наруч и попытался оторвать от себя руку Адамантины, но то ли он был слишком слаб, то ли она оказалась чересчур сильной – наруч не сдвинулся с места. От его рук и шеи начал кольцами подниматься дым, а кожа в местах соприкосновения с металлом почернела. Джимми больше не кричал, только издавал отрывистые приглушенные звуки, словно его голос пульсировал в такт пронизывающим тело электрическим разрядам. От него полетели искры, и дым теперь шел от головы, туловища и даже ног. Джеффри испугался, что Джимми сейчас вспыхнет, но тот дернулся и обмяк, уронив голову набок.

Гудение стихло, и хотя тело Джимми – мертвое тело – по-прежнему дымилось, искры от него больше не летели. Адамантина взглянула на него с отстраненным

любопытством, затем разжала пальцы. Тело Джимми рухнуло на асфальт и осталось лежать неподвижно, продолжая дымиться. Кожа на шее и ладонях обуглилась.

Адамантина повернулась к Джеффри.

– Чем же ты ответишь на мое более чем щедрое предложение? – осведомилась она.

Джеффри покосился на тлеющий труп приятеля. Он был в ужасе от того, что случилось с Джимми: тот был хорошим парнем и не заслуживал такой смерти. Но… он посмеялся над Адамантиной. Разве он не почувствовал могущество, исходящее от этой женщины? Над такой силой не шутят. Она требует уважения. А если ты будешь уважать ее, то, возможно, сам получишь какую-то часть этой силы, пусть и крохотную.

Джеффри опустился на колено и склонил голову.

– Моя госпожа, – произнес он.

Когда Адамантина нежно положила ладонь ему на голову, перчатка была все еще теплой. Он ощутил, как это тепло растекается внутри, и по телу пробежала приятная дрожь. Он никогда не испытывал ничего чудеснее.

* * *

– Мне жаль.

Лена Нгуен сложила руки на столе перед собой. Она всегда так делала, когда сообщала пациентам плохие новости, хотя сама точно не знала почему. Утешала себя, должно быть. Онкология – не самая простая область в медицине, особенно если так глубоко сопереживать пациентам, как делала Лена. Она привыкла сообщать дурные вести – даже слишком привыкла, – но легче от этого не становилось.

По другую сторону стола сидела семейная пара – двое мужчин за сорок. У обоих были короткие светлые волосы с проседью и аккуратные бородки клинышком.

Один из них был более тощим, и Лена знала причину его худобы. Мужчины держались за руки, и, хотя в глазах того, что покрепче, стояли слезы, лицо второго хранило бесстрастное выражение. Лена много раз видела подобное. Он просто ошеломлен новостями и еще не прочувствовал их в полной мере. Но рано или поздно это случится.

Томас Розенман и его муж Дэвид впервые пришли к ней на прием три года тому назад. Томас начал испытывать сложности с дыханием, и его доктор назначил серию анализов. В результате в правом легком обнаружилось несколько подозрительных уплотнений, которые оказались раком в третьей стадии. Ирония заключалась в том, что Томас за всю свою жизнь не выкурил ни единой сигареты. Но таков уж рак. Иногда бывает определенная причина, однако часто он просто поражает ни с того ни с сего, подобно удару молнии. Просто так получается.

Именно тогда к команде лечащих врачей присоединилась Лена. Она назначила операцию и агрессивную химиотерапию. Операция прошла успешно, и, хотя терапия была нелегкой, Томас справился. Последовавшие проверки показали, что болезнь вроде бы отступила. Разумеется, когда речь идет о раке, «отступила» означает «временно отступила». Рак часто возвращается, и именно так и произошло с Томасом. Спустя два безоблачных года компьютерная томография показала несколько опухолей в легком, которые увеличивались так стремительно, что Лена понимала: на этот раз Томас едва ли выживет. Разумеется, свои опасения она высказывать не стала. Она заговорила о немедленной операции и новом курсе химиотерапии. Она пыталась приободрить пациента, даже преувеличила его шансы, однако, кажется, ни Томас, ни Дэвид не купились на ее сахарные речи. Возможно, ее тон оказался не таким уж убедительным. Либо они прошли через слишком многое, и у них не осталось сил бороться.

Оба молчали несколько минут, и Лена тоже сидела тихо, сцепив пальцы. Было сложно просто сидеть и смотреть на их боль, не в силах сделать хоть что-то, однако Лена по опыту знала, что сейчас ей нужно просто дать им время на осознание полученных новостей.

Кабинет был маленький, но поскольку он предназначался в первую очередь для консультаций, размер не имел особого значения. Зато он не выглядел очередной холодной стерильной смотровой. Лена хотела, чтобы эта комната была теплой и уютной, чтобы пациенты могли расслабиться – насколько это возможно,

учитывая причину их посещения. Для достижения этой цели стены были обшиты деревом, а на полу лежал кремовый ковер. Мягкие кожаные кресла были удивительно удобными. Позади нее стоял деревянный шкаф с медицинской литературой, а на стенах висели успокаивающие пейзажи – горные хребты, лес, океанское побережье. Рядом с картинами пристроились дипломы и награды в рамочках. Лена держала в кабинете и растения – бостонский папоротник, спатифиллум и филодендрон. Они не только очищали воздух, но и помогали создавать умиротворяющую атмосферу. По крайней мере, на это надеялась Лена. На ее столе не было ничего, кроме телефона и обычно закрытого ноутбука. Она старалась не пользоваться потолочными флуоресцентными лампами, предпочитая напольный светильник или мягкое естественное освещение из единственного окна. Но сколько бы Лена ни силилась сделать кабинет уютным, она знала, что ее усилия мало помогают, если помогают вообще.

Лена была невысокой, ее рост едва превышал полтора метра. Черные волосы, обрамляющие круглое лицо, были длиной до плеч, а еще она носила очки, полагая, что они придают ей серьезный вид – и компенсируют невысокий рост. Когда люди впервые видели ее – особенно если не знали о ее профессии, – то обращались с ней, как… ну, не как с ребенком, конечно, но и не как со взрослой. Именно поэтому она носила очки, а не линзы, хотя не была до конца уверена, что этот прием удачный.

Во время затянувшейся паузы Томас смотрел в стену, но потом все же поймал взгляд Лены и спросил:

– А если я не буду ничего делать, ни операции, ни химии… сколько мне останется?

Вопрос ее не удивил. Она уже слышала его раньше от пациентов, но Лена не любила на него отвечать. Она не верила в то, что можно сдаться без борьбы.

– Полгода, – ответила она. – Может, год. Но большую часть времени вас будут мучить сильные боли, а ближе к концу придется лечь в больницу. – Она помолчала. – Или в хоспис, смотря что выберете.

– Том, о чем бы ты ни думал, прекрати немедленно, – со страхом, но твердо велел Дэвид. – Мы будем бороться точно так же, как в прошлый раз, и победим.

Томас улыбнулся мужу грустно, но с любовью.

– Но вероятность того… – начал он.

– К черту вероятность, – рявкнул Дэвид. – Мне важен лишь ты.

Их любовь была трогательна. Брак самой Лены закончился разводом несколько лет назад. Они с мужем разошлись достаточно мирно, детей у них не было, и, хотя Лена иногда ходила на свидания, она до сих пор ни к кому не привязалась, не говоря уже о том, чтобы влюбиться.

Такие разговоры были худшей частью ее работы. Она стала доктором и выбрала своей специализацией онкологию после того, как еще старшеклассницей потеряла мать – та умерла от рака груди. Лена не была ни глупой, ни излишне самонадеянной, чтобы поверить, будто способна собственноручно исцелить рак, однако она посвятила жизнь борьбе с ним и, что важнее, давала людям надежду. Увы, дать надежду Томасу и Дэвиду она не могла и чувствовала себя ужасно.

Лена собиралась еще раз привести доводы в пользу лечения, невзирая на небольшие шансы на успех, но тут дверь открылась и в кабинет вошел мужчина в белом халате.

При виде его у Лены перехватило дыхание. Он был не просто красив, он был прекрасен – так же, как прекрасны греческие статуи: кудрявые черные волосы, высокие скулы, мужественный подбородок, полные губы и совершенно невероятные синие глаза, такие яркие, будто подсвечивались откуда-то из глубины. Они поразили Лену настолько, что всего через несколько мгновений она испытала непреодолимый порыв отвести взгляд. Халат мужчины буквально светился белизной, а на груди слева синими нитками – в цвет глаз – было вышито единственное слово: «Пеан». Имя показалось знакомым, но Лена не могла вспомнить, где именно его слышала. Под халатом на Пеане была белая рубашка и красный галстук с узором из медицинских инструментов – стетоскопов, шприцев, шпателей отоларинголога, термометров и манжетов тонометра. Образ дополняли темные брюки и ботинки, черные настолько, что казалось, будто они притягивают и поглощают свет.

Пеан был высоким, но не просто высоким – его туловище и черты лица были крупнее, чем у обычного мужчины. Создавалось ощущение, будто он принадлежит к абсолютно другому виду либо является более совершенной формой человека. И тогда ей на ум пришло это слово – «божество». Впечатление «нездешности», однако, производила не только его внешность. У Пеана была аура силы и власти, неукротимой мощи, подобно той, что аккумулируется в воздухе перед сильной грозой. Она не внушала страха, скорее придавала жизненной силы. Лена почувствовала себя бодрой и переполненной кипучей энергией, способной выйти на улицу и пробежать на большой скорости хоть километр, хоть все десять, причем не запыхавшись.

Она никогда раньше не видела этого человека. Иначе она бы его точно запомнила.

Лена не сразу сумела справиться с собой, но все же заговорила:

– У меня личная консультация с пациентом. Если вы вернетесь в приемную, я подойду к вам, как только освобожусь.

Выговорить эти слова стоило ей немалой силы воли. Она совершенно не хотела выгонять его, но сперва требовалось позаботиться о Томасе.

Пеан тепло улыбнулся.

– Именно за этим я здесь.

Его мягкий тенор медом лился в уши. Удержав взгляд Лены еще мгновение, он развернулся к Томасу, опустил глаза и прищурился, будто всматриваясь в глубину грудной клетки пациента.

– Ты болен, – сказал он Томасу. – И болен серьезно. – Он поднял глаза и улыбнулся. – Тебе необыкновенно повезло, что я воплотился здесь.

Пеан сунул руку за пазуху и вытащил из внутреннего кармана какой-то предмет длиной примерно двадцать пять сантиметров, на вид слишком длинный, чтобы вообще уместиться в кармане, и, похоже, сделанный из золота. Предмет оказался жезлом, оплетенным двумя змеями и с парой крылышек на кончике.

Лена узнала жезл, хотя видела его раньше только на картинках. То был кадуцей, древний символ, выбранный медицинскими работниками своей эмблемой. Увидев жезл, Лена вспомнила, откуда ей известно имя «Пеан». Из мифологии, он врачевал греческих богов.

Удерживая жезл в правой руке, Пеан направил его на Томаса.

– Я могу изгнать сию отвратительную порчу из твоего тела. Желаешь ли ты этого?

Во взгляде Томаса, полном сомнения и недоумения, мелькнул проблеск надежды.

– Да, – ответил он.

Пеан улыбнулся.

– Хорошо. А в обмен на полученный дар ты должен присягнуть мне в верности и прийти ко мне, когда я призову тебя. Ты это сделаешь?

Дэвид положил руку Томасу на плечо.

– Не думаю, что это хорошая…

– Сделаю, – пообещал Томас.

Лена чувствовала, что за обещанием Томаса стоит нечто большее, чем отчаяние умирающего. Она ощущала исходящую от Пеана власть. Как будто он заставил Томаса согласиться со своей волей. Она хотела сказать, чтобы он прекратил это, сказать, что пациентов нельзя принуждать лечиться, но не могла вымолвить ни слова. Несмотря на неодобрение, в глубине души она была рада, что Томас согласился на условия Пеана.

Пеан кивнул, явно довольный, шагнул вперед и приложил верхушку жезла к груди Томаса. Жезл окутало золотым сиянием, а Томас судорожно вдохнул, широко открыв глаза.

Лена вскочила на ноги в испуге, что жезл причиняет ему боль, хотя инстинктивно понимала, что это не так. «Так не бывает», – говорила она себе, однако знала, что это происходит на самом деле. Более того, ради Томаса она надеялась, что подобное возможно.

Спустя несколько секунд Пеан убрал кадуцей. Без контакта с телом сияние начало угасать, пока не исчезло совсем.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Пеан.

Томас глубоко вдохнул, задержал дыхание и шумно выпустил воздух из легких.

– Я чувствую себя…

Лена и Дэвид наклонились ближе.

– Великолепно, – широко улыбнулся Томас.

* * *

Томас и Дэвид горячо поблагодарили Пеана, и Дэвид тоже принял прикосновение кадуцея в обмен на «обязательство верности». Затем пара удалилась, смеясь и торжественно обещая рассказать всем встречным о чудесном исцелении. Пеан, казалось, был рад их заверениям, будто хотел себе этой рекламы.

– Думаете, я поверю, что вы способны исцелить рак легких одним прикосновением своей волшебной палочки? – даже произнося эти слова, Лена верила – так уж на нее влияла странная аура этого незнакомца.

С терпеливой улыбкой Пеан опустился в кресло.

– Ты врач, Лена. Скептицизм – один из твоих важнейших инструментов. Но уверяю тебя, этот человек избавился от своего недуга.

– Вы еще скажите, что теперь он будет жить вечно.

Пеан задумался.

– Точно не знаю, сколько проживут мои служители, – с улыбкой проговорил он. – Понимаешь, я еще в этом деле новичок.

Лена не понимала. В голове вертелся десяток вопросов, а то и два десятка. Но пока самым важным был лишь один.

– Вы можете так вылечить любую болезнь?

– Да.

В ответе не прозвучало ни самодовольства, ни высокомерия. Он просто констатировал факт.

– Тогда у меня для вас есть еще пациенты, – отозвалась Лена. – Много пациентов. Вы им поможете?

Она не знала, кто – или что – этот человек, не знала, человек ли он вообще, как бы безумно это ни звучало. Но если он умел исцелять людей – особенно таких, как Томас, которым собственное тело вынесло смертный приговор, – больше ничто не имело значения.

– Разумеется, – сказал Пеан. – В конце концов, именно за этим я здесь. Но мне потребуется оплата за услуги. Эти люди должны будут присягнуть мне в верности.

– Но зачем? – спросила Лена. – Что есть такого у них, в чем вы – с вашим-то могуществом – испытываете нужду?

Улыбка Пеана угасла, а слишком синие глаза в буквальном смысле потемнели, будто на них набежала густая тень.

– В твой город идет война, Лена. Война, в которой может быть один-единственный победитель. Я намереваюсь победить, и, чтобы это сделать, мне понадобится как можно больше… союзников, и как можно быстрее. У меня уже

есть Томас и Дэвид. – Его глаза снова стали ярче, а улыбка вернулась. – Хочешь присоединиться к ним?

Сперва он назвал тех, кого коснулся кадуцеем, своими служителями, но потом, будто сообразив, что ей это слово не по нраву, переименовал их в союзников. Между этими словами была огромная разница, и Лена знала, какое из них предпочтет. Она чувствовала исходящее от металла тепло, и это ощущение наполняло ее хорошим самочувствием и удовлетворением. Жезл был так близко, что она могла протянуть руку и дотронуться до него. И она хотела, она нуждалась в этом.

«Это он заставляет тебя ощущать это», – сказала себе Лена.

Наверное, дело было в кадуцее. Возможно, жезл мог совершать и другие чудеса, помимо исцеления. Как бы то ни было, она понимала, что Пеан манипулирует ею. Но исцеляющая сила кадуцея была потрясающа, и Лена хотела стать ее частью, пусть даже в роли союзницы Пеана. Ну а если она в итоге окажется слугой, так что с того? Разве она не посвятила жизнь служению своим пациентам? Она сумеет помочь им гораздо лучше, подчинившись такому созданию, как Пеан.

Несмотря на сомнения, она потянулась и медленно, почти с опаской сомкнула пальцы вокруг кадуцея. Когда всё было кончено, Пеан улыбнулся.

– А теперь за работу, – сказал он.

И Лена улыбнулась в ответ.

Глава 2

Дин предпочел бы дождаться темноты, но Сэм утверждал, что к ферме лучше подобраться при дневном свете.

– Гули не ночные твари, – возражал Дин. – Они жрут, когда хотят, хоть днем, хоть ночью.

– Да, но проворачивать свои грязные делишки они предпочитают после заката, верно? Так меньше вероятность, что их увидят. Есть неплохой шанс, что сейчас они отдыхают и не ожидают, что кто-то заявится к ним средь бела дня. – Сэм усмехнулся. – Ну какие психи туда сунутся?

– Мы, очевидно, – отозвался Дин.

В конце концов он уступил в споре, поэтому сейчас они пробирались по давно убранному кукурузному полю на ферме близ Маккормика, Миссури. Немногие оставшиеся стебли были совсем невысокими – от силы метра полтора – и служили скверным укрытием. Небо было покрыто тучами, так что, по крайней мере, не пришлось разгуливать под ярким солнечным светом, но, даже передвигаясь на полусогнутых, Дин чувствовал себя ужасно уязвимым.

Сэм вздохнул:

– Ладно, должен признаться, это была не самая лучшая из моих идей.

– Эй, я не из тех, кто отвечает: «А я тебе говорил».

– Но?

Дин улыбнулся:

– А я тебе говорил.

Братья медленно пробирались через кукурузное поле. Ни один не предложил вернуться, попробовать другой путь или дождаться темноты, как изначально собирался Дин. Они доверились текущему плану, и Дин надеялся, что они, вероятно, одолели уже больше половины поля. Кроме того, богатый опыт подсказывал: лучше двигаться вперед и разбираться с ошибками по ходу, чем бросать все и начинать сначала.

Твари, прячущиеся в темных уголках и нападающие на людей, умело скрываются. Если их вспугнуть, они могут бросить логово, покинуть опасное место и обосноваться где-нибудь еще, а могут затаиться и подкарауливать тех, кто пришел по их душу. Даже если безопаснее было бы попробовать другой подход, Дин и Сэм не хотели потерять шанс зачистить гнездо гулей. Хотя гули предпочитали кормиться трупами, их не особенно заботило, откуда эти трупы взялись. Иногда они выжидали, пока человек умрет сам, и лишь потом вооружались столовыми приборами, но часто они убивали жертву, давали телу отлежаться и пожирали его. Пару раз братья сталкивались с гулями, предпочитающими жевать еще живую добычу. В любом случае нельзя было их упускать. Не то чтобы Сэм и Дин жаждали крови (хотя Дин вынужден был признать, что в этом заключается один из плюсов их работы), они просто хотели предотвратить появление новых жертв. В этом и заключалось ремесло охотника – защищать людей.

Дин ощущал – или ему чудилось – тепло в правой руке, как раз там, где находилась Метка Каина. Он списывал ощущения на игру воображения, а не на то, что Метка радуется предстоящему сражению. Так он говорил себе и верил сказанному. Почти.

Стоял ранний декабрь, и было зябко, а в отсутствие солнца воздух казался еще холоднее. Братья были в легких куртках, фланелевых рубашках, джинсах и ботинках. Перчаток они не признавали: те затрудняли обращение с оружием, а никакой охотник не захочет рисковать потерей оружия в разгаре битвы с какой-нибудь когтистой и клыкастой пакостью, жаждущей выпустить ему кишки и попировать потрохами. Что касается оружия, у Сэма и Дина были при себе пистолеты и острые как бритва мачете. Лучший способ прикончить гуля – обезглавить его, хотя сильный удар по башке тоже сойдет. Сейчас, однако, мачете покоились в кожаных футлярах, пристегнутых к ремням, а пистолеты скрывались за поясами джинсов на поясницах.

С поля хорошо просматривался дом – белый, двухэтажный, с черными ставнями и крышей. Кажется, он был в хорошем состоянии, по крайней мере, с виду. Газон аккуратно подстрижен, а на гравийной подъездной дорожке стоят две машины – пикап и внедорожник, – обе совсем новенькие. Недалеко от дома располагался амбар, выкрашенный по традиции в красный цвет. Краску не помешало бы обновить, но в остальном амбар тоже выглядел вполне прилично.

Некоторые монстры выбирали для жизни темные, сырые и ветхие места – всеми забытые кладбища, заброшенные фабрики, нежилые дома: чем запущеннее и мрачнее, тем чаще. Однако другие – и таких было чересчур много – предпочитали скрываться, обосновавшись поближе к тем самым людям, на которых охотились. Такие твари усердно старались не высовываться и не привлекать к себе внимание. Чем более обычными они казались, тем лучше. Этих Дин называл про себя притворщиками, потому что они действительно притворялись людьми, и считал наиболее опасными. Их не только было сложнее выследить – они привыкли действовать исподтишка, а значит, были непредсказуемыми. Непредсказуемость Дин терпеть не мог. Больше всего ему нравилось, когда монстры вели себя исключительно так, как им полагалось. Работа тогда становилась проще и аккуратнее. Непредсказуемость превращала все в бардак. Когда дело касалось охоты, Дин особенно ненавидел бардак. В неразберихе погибали люди. Да, за прошедшие годы братья спасли многих – целую планету, черт побери, – но именно мысли о тех, кого спасти не удалось, часто одолевали Дина.

«Это всего лишь гнездо гулей, – сказал он себе. – Куда уж проще».

Сэм и Дин начали впервые подозревать, что в Маккормике поселились гули, когда в Сети стали появляться заметки об исчезнувших горожанах. Братья искали два типа новостей: о странных событиях и пропавших людях. Сэм завел аккаунты в нескольких поисковиках, чтобы ему на почту приходили ссылки на статьи, в которых упоминалось подобное. Каждый день в почте скапливались десятки писем, и они с Дином часами просматривали новости, выискивая любой намек на проявления сверхъестественного. Чаще всего ничего не находили, но время от времени везло. Вести из Маккормика привлекли их внимание, потому что к всплеску сообщений об исчезновении людей прилагались новости о вторжениях в похоронные бюро. Расширив поиск, братья обнаружили, что подобные происшествия случаются в радиусе пятидесяти километров вокруг города.

Возможно, они наткнулись на обычного серийного убийцу, но жертвы были разного возраста, происхождения и пола. Единственной общей чертой стало то, что все они были не старше пятидесяти лет, а большинство – в возрасте чуть за двадцать или за тридцать. Итак, братья прыгнули в «Импалу» и покатили в Миссури. Оказавшись в городе, они, как обычно, повертелись вокруг, прикидываясь агентами ФБР, порасспрашивали представителей местных правоохранительных органов и родственников пропавших. Ничего полезного они

не услышали, пока однажды, совершенно случайно, один из копов не упомянул, что при ограблении похоронного бюро был убит работник. Взломщики не взяли ни денег, ни оборудования, зато расчленили трупы и забрали внутренние органы. Хотя в подобном можно было заподозрить многих монстров – не говоря уже о колдунах и ведьмах, – когда речь заходила о мертвецах, главными подозреваемыми всегда становились гули.

После более тщательного расследования убийства и кражи органов покойников Винчестеры быстро нашли подозреваемого. Им стал недавно нанятый работник бюро – молодой человек по имени Филлип Карсон, который вместе с родителями Дарреллом и Кейт проживал на ферме за городом. Именно на той ферме, к которой братья сейчас и направлялись.

Внезапно Дин услышал звук, сдавленное мычание, и братья застыли на месте.

– Слышал? – тихо спросил Сэм.

– Ага, – так же тихо отозвался Дин. – Как будто кто-то пытается заговорить с кляпом во рту.

– Мне тоже так показалось.

Братья направились на звук, изо всех сил стараясь не шуметь. Перед ними из голой земли поднимались сухие кукурузные стебли, выше и прямее остальных. Подойдя поближе, Дин заметил, что они привязаны к коротким деревянным шестам тонкой проволокой. Снова раздался прежний звук, и Дин понял, что не ошибся: это был человеческий голос. И судя по сдавленному напряженному звучанию, владелец этого голоса переживал сейчас не лучшие времена.

Остановившись перед шалашом из стеблей, Винчестеры переглянулись и по молчаливой договоренности медленно вытащили мачете. Но сперва следовало убедиться, что поблизости нет растяжек. Сверхъестественные твари, по крайней мере человекоподобные, не чурались современных технологий, так что можно было наткнуться на детекторы движения или даже на взрывчатку, призванную сработать, если кто-то подойдет слишком близко. Черт, да для ловушки и современных технологий не надо. Есть множество примитивных способов причинить боль тому, кто сует нос куда не просят: проволочные силки, пронзающие ловушки, ямы с кольями… Но тут снова раздался стон, на этот раз

более громкий и отчаянный, и Дин забыл обо всех предосторожностях. Внутри этого самодельного сооружения был кто-то, кто нуждался в их помощи.

Дин принялся рубить стебли с помощью мачете, спустя мгновение к нему присоединился Сэм, и они быстро расчистили примерно полутораметровый лаз, давший возможность хорошенько рассмотреть, что происходит внутри. В холодную землю были по плечи вкопаны шесть человек с заклеенными серебристым скотчем ртами и завязанными черными лентами глазами. Четверо мужчин и две женщины – все от тринадцати-четырнадцати до пятидесяти лет. Двое темнокожих, одна латиноамериканка, остальные белые. Их носы и уши были обморожены, никто из них не двигался. Головы бессильно клонились в разные стороны. Дин не мог сказать наверняка, живы ли все, но как минимум один был живым, ведь кто-то же мычал. Все шестеро располагались кругом, лицами друг к другу.

Латиноамериканка пошевелилась, начав медленно качать головой вперед-назад, привлекая их внимание. На вид ей было лет тридцать пять. Она попыталась заговорить, но из заклеенного рта вырывалось только сдавленное мычание. Больше никто не издавал звуков и не двигался, и Дин боялся, что только женщина и осталась в живых. Покрепче сжав мачете, он сделал шаг вперед.

– Не волнуйтесь, – сказал Сэм. – Мы пришли помочь вам.

Разойдясь по разные стороны круга, братья присели на корточки и начали проверять пульс жертв гулей. Дин щупал пульс у живой женщины. Она успокоилась, когда он до нее дотронулся, пульс у бедняги оказался слабым, но ровным. Когда Дин убрал руку, она протестующе замычала, будто испугалась, что ее снова бросят.

– Держитесь, – сказал Дин.

Сняв повязку и скотч, он приступил к следующей жертве – мужчине слева.

Проверив всех, братья присели рядом и обменялись информацией.

– Двое слабы, но живы, – доложил Сэм. – У тебя?

– Только одна, – сказал Дин. – Она не в лучшем состоянии, но, думаю, выкарабкается… если мы отвезем ее и остальных в больницу.

Дин пытался не думать о трех мертвецах. Братья не стали снимать с них повязки и скотч, главным образом для того, чтобы выжившим не пришлось смотреть в безжизненные глаза своих собратьев по несчастью. Для мертвых они с Сэмом ничего не могли сделать, надо было сосредоточиться на живых, чтобы появился хоть какой-то шанс спасти их. В таких случаях Дин легко отбрасывал все ненужные эмоции, но безо всякого удовольствия.

Дин развернулся к женщине:

– Как давно вы уже здесь?

Она нахмурилась и с трудом ответила:

– Не знаю. Может, неделю.

– Или даже дольше, если гули приносили им воду, – добавил Сэм.

– Они тут словно скот. – Дин начал злиться. – Или, хуже того, посевы.

– Ага.

Дин ковырнул землю мачете: та была твердая, но отнюдь не замерзшая. И хорошо, а то они бы нашли шесть трупов, а не три. Он рассудил, что они с Сэмом без труда выкопают выживших самостоятельно. Лопаты, конечно, остались в багажнике «Импалы». Одному придется остаться присматривать за пленниками гулей, пока второй сходит к машине. Дину совершенно не нравилась идея разделяться, особенно учитывая, что они находились на территории гулей, но нельзя было оставлять выживших в одиночестве, пусть даже ненадолго. Что, если гули вернутся и решат, что лучше убить пленников, чем потерять их? Риск был слишком высок.

– Иди за лопатами, – сказал Дин. – Я посторожу.

Он крепче сжал рукоять мачете, и от Сэма это не укрылось.

– Может, лучше я останусь? – ровным тоном предложил Сэм.

Его голос не выдал эмоций, но Дин в точности знал, о чем думает брат.

– Да, я зол на гулей за то, что они сделали с этими людьми и с нашей семьей, но я в порядке. Честно.

Метка Каина разжигала жажду крови в том, на ком была запечатлена, и одна искорка вполне могла привести к свирепому пламени, если тот терял контроль. Дину уже случалось испытывать эту ярость, быть переполненным и сметенным ею, превратиться в кого-то не сильно лучше движимого злостью безжалостного убийцы. Но именно благодаря этому опыту он научился противостоять Метке, не позволять ей контролировать его. По крайней мере, Дин очень надеялся, что действительно научился.

Сэм заглянул ему в глаза, будто искал признаки того, что брат лжет либо неверно оценивает свое состояние, но не обнаружил ничего подозрительного и кивнул:

– Хорошо. Я быстро.

Не успел Сэм встать, как в просвет ограды ворвался ветер, отчего сухие кукурузные стебли зашелестели, а волосы закопанных в землю пленников растрепались. Спустя мгновение в вырубленном братьями проеме плечом к плечу возникли четыре фигуры. Гули при желании могли двигаться нечеловечески быстро, а судя по ветру, который поднялся, пока они мчались к жертвам, эта четверка была особенно шустрой даже для своего вида.

Гулями оказались двое мужчин и две женщины, старшей паре можно было дать больше пятидесяти, младшей – немного за двадцать. Они все были одеты в куртки, джинсы и ботинки, а старший из мужчин нацепил еще и зеленую бейсболку. Все четверо были вооружены. Мужчина постарше держал двуствольный дробовик, а его ровесница сжимала в руке серп. Мужчина помладше был вооружен охотничьим ножом, девушка – пистолетом. Дула пистолета и дробовика смотрели в сторону Винчестеров. Гули были быстрее, сильнее и выносливее людей, но еще они были и не настолько тупы, чтобы выйти против двух охотников без оружия. А жаль. Тупых монстров убивать куда

проще.

– Кажись, у нас в саду пополнение, – заговорил мужчина с дробовиком.

Женщина, сдавленные крики которой привлекли братьев в круг – точнее, как выразился гуль, в зловещий сад, – снова начала мотать головой и отчаянно мычать. Дин не мог ее винить. Прямо сейчас преимущество было не на стороне Команды Людей.

Его пальцы крепче сжались на рукояти мачете, а Метка Каина начала жечь.

«Нападай сейчас, пока не стало слишком поздно».

Он не понял, принадлежит ли мысль ему или рождена Меткой. В любом случае идея была идиотская, и ничего подобного он делать не собирался. Учитывая мгновенные рефлексы гулей, они успеют выстрелить прежде, чем братья встанут и замахнутся мачете. Проклятье, Дин и Сэм сидели на корточках, а в таком положении их опередил бы и человек.

– Они охотники, да, пап?

Трое гулей были худыми, но тот, что задал вопрос, выглядел довольно упитанным. Не толстым, но определенно откормленным.

Дин рассудил, что это и есть тот самый Филлип из похоронного бюро. Ну а где же еще работать гулю с такой комплекцией? Это почти как когда человек работает в кондитерской.

«Какая жалость для тебя, что ты, не устояв, воровал лакомства, – подумал Дин. В противном случае братья никогда бы не узнали о гнезде гулей. – Еще одно доказательство, что переедание вредно во всех смыслах».

Женщина, которую Дин определил как мать Филлипа, Кейт, ответила прежде, чем открыл рот отец парня.

– Нет, Филлип, – ядовито отозвалась она. – А мачете они принесли потому, что обожают срезать сухие кукурузные стебли.

Молодая женщина хихикнула.

– Наверное, они им нужны для поделок вроде куколок из кукурузных листьев.

Филлип бросил на сестру (или жену?) злобный взгляд:

– Заткнись, Лори.

Отец, Даррелл, не сводя взгляда с Винчестеров, проговорил:

– Филлип, Кейт, заберите у них мачете. Мы с Лори будем следить. Если хоть пальцем шевельнут, они трупы.

– Чертовски верно, – заметила Лори.

Кейт и Филлип ступили в круг. Последний проявлял куда меньше энтузиазма, чем его мать. Филлип забрал мачете у Сэма, а Кейт – у Дина. Метка Каина отозвалась в руке Дина, будто сопротивляясь потере оружия, когда у него из ладоней потянули мачете.

«Как я тебя понимаю», – подумал Дин.

Отойдя, Филлип и Кейт воткнули мачете в землю, после чего поднялись и покрепче вцепились в собственное оружие. Дин едва сдержал ухмылку.

Ошибка номер один: мачете нужно было выкинуть подальше. Ошибка номер два: нужно было обыскать новых пленников на предмет наличия другого оружия. У братьев оставались пистолеты и прицепленные к лодыжкам ножи, скрытые под штанинами.

«Похоже, эти гули не такие уж и сообразительные».

– Так ты Филлип Карсон, – обратился Дин к молодому человеку. – Неудивительно, что ты полноват. Могу поспорить, именно ты жрал органы, которые воровал из похоронного бюро. С чего вдруг? Уличная падаль пришлась не по вкусу?

Оскалив желтые зубы и подняв нож, Филлип шагнул к Дину, но мать поймала его за плечо.

– Мой сын оступился, – проговорил Даррелл. – Но теперь снова вернулся к нашим обычаям, правда?

Не спуская с Дина сердитого взгляда, Филлип все же ответил довольно спокойно:

– Да, отец.

– Зачем вы закопали тут этих людей? – спросил Сэм. – Чтобы их… мясо было вкуснее?

Дин понимал, что Сэм тянет время. Насколько бы разумными ни казались сверхъестественные твари, они обычно были куда проще людей, почти примитивны, как дикие звери или силы природы. Они сосредотачивали все помыслы на одном – том, чем питались, чтобы продлить свою противоестественную жизнь, – и эта сосредоточенность была так сильна, что граничила с одержимостью. Хоть эти гули и отличались от тех, с которыми братья сталкивались раньше, они оставались всего лишь гулями и по-настоящему беспокоились лишь о том, чтобы набить живот.

– Мясо вкуснее, когда добыча умирает естественной смертью, – сказал Даррелл. – Не от болезни или травм. К тому же пребывание на открытом воздухе придает плоти некую пикантность. Еда на природе всегда аппетитнее. Плюс они успевают частично избавиться от токсинов. Алкоголь, кофеин, лекарства и наркотики, фастфуд… Все это портит вкус мяса.

– Плоть должна быть нетронутой, и добыча должна умереть своей смертью, – добавила Кейт.

– Эдакий кошерный вариант для гулей, – подытожил Дин.

Он поймал взгляд брата и слегка кивнул в сторону латиноамериканки. Сэм ответил таким же незаметным кивком. Понял, мол.

– Мы бы посадили вас к остальным посевам, – сказал Даррелл, – но думаю, чтобы избежать лишних проблем, лучше вас просто пристрелить. Съесть вас не получится, но что поделаешь. Нельзя и мяско съесть, и косточкой не подавиться, – он ухмыльнулся. – Лори, готова?

Даррелл посмотрел на Лори, та перевела взгляд на него, и в тот же момент братья начали действовать.

Дин рванулся вперед, а Сэм – назад. Изогнувшись, Дин выхватил из-за пояса пистолет и, завалившись на спину, выстрелил в Даррелла. Пуля ударила гуля в грудь, и тот отшатнулся назад, но дробовик из рук не выпустил. Дин знал, что Даррелл не упадет. Гули были не только сильнее и быстрее людей, но и крепче. Понадобится куда больше одной пули в грудь, чтобы остановить гуля, а убить его таким образом и вовсе невозможно. Единственный способ – отрубить голову. Но Дин не собирался убивать Даррелла, по крайней мере, пока. Он пытался выиграть время для Сэма. Дин не видел, что стало с Даррелом. Все еще лежа на спине, он выстрелил в Лори. Как следует прицелиться не было возможности, поэтому, хоть он стрелял ей в грудь, пуля попала в правое плечо. Она отпрянула, но не пошатнулась, зато выронила пистолет – уже хорошо. Если получится схватить пистолет, он сможет стрелять с двух рук, как в фильмах Джона Ву.[4 - Джон Ву – китайский и американский режиссер экшн-фильмов.]

Но Кейт и Филлип не стояли без дела, пока Дин нападал на их родственников, и бросились на него с серпом и ножом. Не успели они добраться до Дина, как Сэм выкрикнул:

– Ни с места, а то останетесь без мяса!

Гули замерли, а Дин повернул голову. Сэм, сидя на корточках около выжившей женщины, прижимал дуло пистолета к ее виску. Женщина ахнула и заскулила.

– Останетесь без мяса? – повторил Дин.

– Заткнись, – пробормотал Сэм, не сводя глаз с Карсонов.

У Даррелла и Лори из ран струилась кровь, хотя и не так сильно, как могла бы. Казалось, что они не обращают ни малейшего внимания на раны. Вместе с Кейт и Филлипом они в ужасе таращились на Сэма.

Дин знал, что брат никогда не причинит вреда невинному, но этого и не требовалось. Достаточно было того, чтобы гули подумали, что Сэм вот-вот испортит их еду. По крайней мере, достаточно для того, чтобы Дин воспользовался шансом. Убедившись, что внимание гулей полностью поглощено Сэмом, он откинул пистолет, из положения лежа плавно переместился на корточки и проскользнул между Кейт и Филлипом. Схватив рукоять мачете, которое Филлип отобрал у Сэма, Дин выдернул его из земли, потом развернулся, свободной рукой потянулся к мачете между Дарреллом и Кейт и вскочил на ноги, вооруженный теперь двумя мачете.

Гули сообразили, что происходит, слишком поздно. Несмотря на всю свою проворность, они только начинали разворачиваться, когда Дин взмахнул мачете. Метка пела в его крови. Спустя несколько секунд обезглавленные тела гулей лежали на земле, а Дин даже не запыхался.

«Неплохо».

Срезы были прямыми и чистыми, и он сумел уложить гулей прежде, чем Даррелл выстрелил. А по скорости он и вовсе, должно быть, личный рекорд установил.

– Дин?

– А? – Тому не сразу удалось оторвать взгляд от мертвых гулей.

Сэму пришлось окликнуть его еще раз, громче и настойчивее, только потом Дин повернулся на зов. У Сэма на лице читалась тревога, и Дин, заговорив, с трудом скрыл раздражение.

– Не переживай. Я не собираюсь слетать с катушек и всех мочить. Как я тебе постоянно повторяю, у меня всё под контролем.

Однако, произнося эти слова, он ощущал пульсацию Метки. Голова отвечала болью в унисон, а в мыслях крутилось одно только слово.

Еще.

Глава 3

Обычно Винчестеры старались не прибегать к помощи властей. Полиция, пожарные и парамедики не были готовы иметь дело с тем, что Сэм называл про себя «семейным бизнесом». Кроме того, они задавали слишком много вопросов, отвечать на которые братьям было, мягко говоря, неловко. Но учитывая тяжелое состояние выживших, Сэм не рискнул выкапывать их и везти в ближайшую больницу, до которой, как подсказал телефон, насчитывалось почти шестьдесят километров. С согласия Дина он позвонил в службу спасения, сообщил диспетчеру очень урезанную и сильно измененную версию случившегося, продиктовал адрес Карсонов, предупредил о необходимости взять лопаты и сбросил вызов. Братья закопали останки гулей и ждали до тех пор, пока не появились огни приближающихся служебных и полицейских машин. После этого они удалились тем же путем, каким пришли, не забыв заверить женщину – единственную из выживших пребывавшую в полном сознании, – что всё будет хорошо.

Теперь братья сидели в «Импале» и по шоссе 70 направлялись к Канзасу и бункеру Хранителей Знаний, служившему им оперативной базой, а также домом – в каком-то смысле единственным настоящим домом почти за всю их жизнь.

Дин, как всегда, вел машину и смотрел на убегающую перед ним дорогу.

Сэм хотел спросить, сильно ли Метка давила на Дина во время столкновения с гулями, но не был уверен, что прямо сейчас это хорошая идея. Впрочем, в том, что в какой-то степени Метка повлияла, он не сомневался. Магию такого уровня нельзя просто стряхнуть силой воли, по крайней мере, не полностью. Сэм думал о том, как Дин убил четырех гулей. Дин был опытным бойцом, что чертовски неудивительно после стольких лет охоты и уничтожения монстров. Но скорость и свирепость, с которыми он обезглавил гулей, внушали ужас, пусть и не такой, как улыбка, игравшая на губах Дина в мгновения убийства. Дин убеждал брата, что держит Метку под контролем, и Сэм, хоть и мучился некоторыми сомнениями, не видел никакого доказательства обратному.

– Интересно, что подумает местный судмедэксперт, если тела гулей все-таки найдутся, – проговорил Дин.

Сэм пожал плечами.

– То же, что и всегда. Он упомянет в отчете анатомические отклонения, подумает, не написать ли о своем открытии научную работу, а потом решит, что коллеги сочтут его психом, и все забудет. Или хотя бы попытается забыть.

Одним из самых больших преимуществ монстров – возможно, даже главным – было то, что люди не хотели в них верить. Всякий раз, когда кто-то сталкивался со сверхъестественным созданием и оставался в живых после этой встречи, органы правопорядка ему не верили, и бедолагу в лучшем случае высмеивали, а в худшем – запирали в дурдом. Большинство очевидцев держали рот на замке и изо всех старались уснуть по ночам с тем знанием, которым теперь обладали. А если они все-таки решались рассказать свою историю, то делали это посредством желтых газет, сайтов о паранормальных явлениях или собственных блогов. То, что Винчестеры не уничтожили останки гулей, не значило, что весь мир узнает о существовании чудовищ. Самое большее, что получат четыре отчета о вскрытии, это загадочные комментарии, которые прочтет горстка людей и не обратит на них никакого внимания.

Дин включил радио, и из колонок громко заиграла «Flirtin’ With Disaster» группы «Молли Хатчет». Покачивая головой в такт, Дин барабанил ладонями по рулю. Сэм, откинувшись в кресле и не обращая внимания на музыку, смотрел в боковое окно и думал.

Во время встречи с гулями Дин пошутил, что диета тварей – монструозный вариант еврейской концепции кошерной еды. Ничто не указывало на то, что поедание мяса жертвы, умершей естественной смертью, имеет под собой какую-то религиозную подоплеку, однако Сэм предполагал, что такое возможно. Не так давно Винчестеры узнали, что некоторые вервольфы почитают Фенриса, гигантского могучего волка из скандинавских легенд. Возможно, у монстров собственные религии встречались чаще, чем полагали Сэм и Дин. В конце концов, многие твари прикидывались людьми или были ими однажды. Почему бы им не жаждать наставления, одобрения и особенно любви каких-нибудь высших сил?

За историю своего существования люди описали сотни, если не тысячи религий, и многие включали в себя поклонение могущественным монстрам, которые именовались богами. Эти монстры использовали своих почитателей в качестве пищи – физически, духовно или обоими способами. За время охотничьей карьеры Сэм и Дин повстречали уйму «богов». Убить этих существ было на порядок сложнее, чем их более заурядных собратьев, но все-таки можно было. Ближе всего к настоящему богу из всех встреченных ими был Бог – тот самый, которого почитают иудеи, христиане и мусульмане, – да и то они общались лишь с Его слугами, ангелами. Проклятье, да сам Кастиэль – близкий друг и союзник Винчестеров – был ангелом. Ангелы существовали на самом деле, как и Рай. Братья знали это точно, потому что попадали туда пару раз. Но Большой Босс отсутствовал: уже тысячи, если не миллионы лет его не было на месте. И, тем не менее, Винчестеры не знали, как относиться к Богу. В самом ли деле Он высшее существо, создатель Вселенной, как утверждается? Или же Он что-то иное?

Как-то вечером, вскоре после того, как Метатрон скинул ангелов с Небес, они с Дином допоздна пили и пытались сообразить, что делать дальше со всем этим бардаком. В какой-то момент Дин предположил, что если боги с маленькой буквы на самом деле монстры, то, возможно, Бог с большой буквы – просто самый первый и самый здоровенный монстр. Сэм тогда не нашел эту мысль особенно утешительной.

Сэм поразмышлял на эту тему еще несколько минут, а потом в памяти внезапно возникла их с Дином первая встреча с богом, пусть тогда они и не поняли, что это было.

– Чувствуйте себя как дома, мальчики.

Сэм и Дин, переглянувшись, дружно улыбаются. Сэм еще на всякий случай добавляет: «Спасибо». Женщина улыбается в ответ, но смотрит выжидательно. Сэм вспоминает, как папа однажды сказал, что охотника всегда можно узнать по глазам. «Охотники постоянно настороже, – говорил Джон Винчестер. – Они никогда не теряют бдительность».

У Джули Андервуд определенно глаза охотника, и от ее оценивающего взгляда Сэму становится неуютно. Не то чтобы она видит их в первый раз – она забрала их из больницы и привезла к себе домой. Но кажется, будто она все еще

пытается составить себе мнение о них, будто не доверяет им полностью. Возможно, Сэм это просто придумывает. Папа сказал, что она друг и вдобавок чертовски хороший охотник. Он сказал, что Сэм и Дин будут с ней в безопасности, и у Сэма нет причин сомневаться в этом. И все-таки ему не хочется встречаться с ней взглядом.

Джули немного за сорок, она чуть выше полутора метров ростом, ее непокорные короткие каштановые волосы напоминают гнездо. У нее круглое добродушное лицо, на котором глаза кажутся чужими. На ней расстегнутая коричневая фланелевая рубашка, накинутая поверх светло-серой футболки, джинсы и коричневые ботинки. Никакой косметики, никаких украшений, да они ей и не нужны. Сэм считает, что она и без них красивая.

Сэм и Дин стоят на пороге дома Джули. Ее гостиная довольно обычна на вид: диван, телевизор, пара кресел, занавески на окнах, ковер на полу. По крайней мере, Сэм думает, что комната обычная. Они с Дином нечасто бывают в чужих домах, а своего у них нет. Большую часть года они проводят в дороге с отцом, а значит, часто живут в мотелях. Сэму сейчас семнадцать, и охотничьи странствия – как и многое другое – начинают ему серьезно надоедать.

У братьев с собой потрепанные рюкзаки со сменой одежды и туалетными принадлежностями. Сумки – отнюдь не заполненные – вмещают все их пожитки.

Джули живет здесь не одна. У нее двое детей, оба примерно ровесники Сэма и Дина. Они стоят в гостиной, разглядывая гостей со смесью любопытства и подозрительности. Глаза не выдают в них охотников. Вот в Дине выдают, уже некоторое время. Сэм гадает, какие глаза у него самого. Он не удивлен тому, что испытывает двойственные ощущения при этой мысли. Сколько Сэм себя помнит, он противоречиво относится к охоте, и с возрастом это противоречие в нем только крепнет. Ни Стюарт, ни Гретхен Андервуд не особенно похожи на мать. Оба выше ее и светловолосые. Как и мать, они коротко стрижены. Стюарт носит очки, Гретхен нет. У них более узкие лица, а черты резче. Сэм решает, что они похожи на отца, но того рядом нет, нет даже семейных фото в рамочках на стенах. По крайней мере, в этой комнате. Возможно, их папа на охоте или в разводе с Джули. Но Сэм подозревает, что тот мертв. Охотники обычно не от старости умирают. Как правило, люди считают хорошим тоном справиться о здоровье семьи при встрече с другом, но в среде охотников такие вопросы считаются грубыми и бестактными. Все охотники кого-то потеряли, и никто не хочет бередить старые раны. Сэм их хорошо понимает. Хоть в момент смерти

мамы он и был всего лишь младенцем, он не любит разговоры об этом. Он не любит даже думать об этом. Поэтому он не будет гадать, что же случилось с мистером Андервудом. Если Джули, Стюарт или Гретхен посчитают нужным, они сами расскажут.

На Стюарте футболка с изображением группы AC/DC, которую, уверен Сэм, Дин оценит, а Гретхен одета в белую футболку с длинными рукавами и глубоким вырезом, но не настолько глубоким, чтобы открыть ложбинку между грудей. Гретхен симпатичная, но по-другому, она не такая, как мать, а именно такая, как нравится Сэму.

Андервуды, все трое, с трудом стоят на одном месте. Они переступают с ноги на ногу, трогают лица, приглаживают волосы, скрещивают на груди руки и снова их опускают. Энергия настолько переполняет их, что они словно вибрируют. Сэм думает, что, если закрыть глаза и прислушаться, от них будет исходить гудение электричества. Они разговаривают чересчур быстро, широко открыв глаза, и слишком часто моргают. Как будто вся чертова семейка накачалась кофе, а теперь страдает от передоза кофеина. Сэму не нужно смотреть на Дина, чтобы проверить, заметил ли тот странное поведение Андервудов. Он знает: Дин заметил.

Джули разворачивается к детям.

– Ребята, это Сэм и Дин Винчестеры. Их отец, Джон, мой друг.

Стюарт и Гретхен дружно хмурятся, услышав это «друг», и Сэм не может их винить. Мэри Винчестер умерла давно, и, хотя Джон ни разу не заикнулся о том, чтобы снова жениться, Сэм знает, что папа не святой. Он не любит думать и об этом тоже, и рад, что мысль о близких отношениях Джона и Джули точно так же не по нраву Гретхен и Стюарту.

– Джона привели в Западную Виргинию следы стаи вервольфов, которые покинули свои охотничьи угодья в Огайо. Почему этот идиот не обратился ко мне за помощью, ума не приложу.

– Может быть, потому что он крутой парень, – вступается за отца Дин.

– И теперь этот крутой парень в больнице, – парирует Джули.

Дин сердито зыркает на нее, но Сэм не может сдержать улыбку. Джон Винчестер настаивает на том, что все, что можно, он должен делать сам, и, хотя Сэм знает, что он поступает так ради безопасности других людей, и своих сыновей в первую очередь, все же приятно видеть, что не его одного это раздражает.

– Как бы там ни было, – продолжает Джули, – он отыскал стаю и умудрился убить большую ее часть, но в процессе его знатно подрали когтями. Хорошо хоть не укусили. Пара дней в больнице, и он снова будет на ногах.

«Скорее, неделю», – думает Сэм.

Так сказал доктор. Но учитывая упрямство отца, тот выпишется пораньше, не заботясь о том, достаточно ли здоров.

– Они останутся у нас на несколько дней, пока Джон отлеживается, – заканчивает Джули.

Сэм думает, что Стюарт и Гретхен встретят новость без энтузиазма. Никто не радуется незваным гостям. Однако ребята улыбаются и протягивают братьям руки. Сэм удивлен такому церемонному, а тем более взрослому, приветствию, поэтому неловко пожимает руку Стюарту, потом Гретхен. Рука у нее неожиданно теплая, но не вызывает неприятных ощущений. Пальцы сильные, а кожа нежная, и Сэм невольно удерживает ее кисть даже после того, как с рукопожатием покончено. Осознав, что он делает, Сэм слишком резко отдергивает руку, смущенно краснея. Гретхен весело улыбается, и в ее взгляде только тепло и сочувствие.

Дин наклоняется к Сэму и шепчет:

– Ловко.

Сэм хочет стукнуть брата по руке, но не желает выставлять себя еще большим ребенком. Стюарт смотрит на Джули:

– Они нам помогут?

– Если захотят.

– С чем? – хмурится Дин.

– С охотой, конечно, – отвечает Стюарт.

Гретхен улыбается:

– Мальчики, вы когда-нибудь слышали о шипсквоче?

Из воспоминаний Сэма вырвал вибрирующий в кармане телефон. Вибрация короткая, значит, пришло сообщение или электронное письмо. Сэм выудил телефон из кармана, провел пальцем по экрану и увидел уведомление о новом письме. Войдя в электронную почту, он молча принялся за чтение.

Спустя минуту Дин поинтересовался:

– Чего хорошего пишут?

– Просто обычные странности, – отозвался Сэм. – Я просматриваю ссылки, но пока не вижу…

На экране появился заголовок большими буквами: «СВЯЗАНЫ ЛИ КУЛЬТЫ С УБИЙСТВАМИ?»

«Звучит многообещающе».

Сэм быстро прочел статью, а потом вкратце пересказал ее Дину. Тот немного подумал и переспросил:

– Город называется Коринф? Типа как та коринфская кожа[5 - Коринфская кожа – так называют дорогую обивку салонов некоторых роскошных автомобилей марки Chrysler.] для богатеев?

– Коринф – это город в Греции, – поправил Сэм, постаравшись скрыть раздражение.

Скорее всего, Дин шутил, хотя, может быть, в самом деле не знал, откуда взялось это название.

– В статье говорится про тот Коринф, что в Иллинойсе. У них проблемы. За эти две недели появилась масса религиозные культов, десятки. А в последние несколько дней на улицах находят трупы. Причем причины смерти странные: у кого-то посреди абсолютно сухой улицы легкие полны воды, кого-то многократно ударило молнией.

– Гнев Бога, а? – спросил Дин.

– Скорее, богов, – уточнил Сэм. – В статье говорится, что сейчас в Коринфе пятьдесят три отдельных и совершенно разных культа. В одних состоит только по одному человеку, в других – десятки и больше.

– Кто-нибудь официально интересовался, что это за культы такие?

– Может и интересовался, но в статье про это не сказано. Если читать между строк, складывается ощущение, что, хотя городская газета очень хочет, чтобы между смертями и культами была связь…

– Так они куда больше номеров продадут, – вставил Дин.

– …нет никаких веских доказательств, что это так.

Братья помолчали, переваривая информацию. Потом Дин вздохнул.

– Даже и не знаю, Сэмми. Как по мне, неубедительно.

– На подозрительные смерти всегда стоит обращать внимание, – не согласился Сэм. – И потом, нам все равно сейчас заняться нечем.

– И то верно. – Дин бросил взгляд в зеркало заднего вида, и Сэм понял, что брат смотрит на отражение багажника. – Не считая того, что нужно заскочить в Бункер и забросить Игги в хранилище.

Сэм улыбнулся:

– Итак, сначала в Бункер…

– Потом в Коринф, – закончил Дин.

* * *

– Ну как?

Джеффри стоял рядом с Адамантиной, но не слишком близко. После того, как у него на глазах эта серебряная женщина одним прикосновением убила Джимми, он пообещал себе, что будет держаться подальше. Адамантина сидела за металлическим столиком возле кафе «Остынь», в котором подавали замороженный йогурт. Перед ней стояла картонная плошка с названием и логотипом кафе. В плошке красовалась розовая кучка, которая словно вылезла из-под хвоста северной собаки, чью последнюю трапезу вымочили в розовом пищевом красителе. Но это наблюдение Джеффри решил оставить при себе. Он не хотел расстраивать женщину, способную убить его электричеством, просто к нему прикоснувшись. И потом, судя по тому, что она рассказала, это была ее первая еда, если можно так выразиться, за всю жизнь, так зачем портить удовольствие?

Был непоздний вечер, но в это время года темнело рано и уже сгущались сумерки. Свет ближайшего фонаря освещал Адамантину, и от ее серебристой кожи исходило неземное сияние. Зрелище было зловещее, но по-своему красивое. Прохожие таращились на странную женщину, но никто не пытался приблизиться. Джеффри их в этом не винил.

Адамантина держала на уровне глаз пластиковую ложечку с йогуртом и рассматривала его так, будто намеревалась увидеть всю суть вплоть до молекулярного уровня. Кто знает, может, и пыталась. Пока она не проглотила ни капли, только слегка потрогала йогурт языком.

– Я… пока не понимаю, – ответила она на вопрос Джеффри.

Джеффри не хотел, чтобы она решила, будто он над ней смеется, но не сдержал улыбки.

– Это просто десерт. Он вас не укусит.

Адамантина бросила на него озадаченный взгляд.

– Конечно, не укусит. У него же рта нет. И тем более зубов. – После чего она снова уставилась на йогурт.

Джеффри не особенно жаловал замороженный йогурт. Он предпочитал мороженое, но в такой холодный декабрьский вечер не стал бы есть ни то, ни другое. От одного вида йогурта – замороженного йогурта – его начинала бить дрожь. Но холод, очевидно, Адамантину не беспокоил. Ее пока вообще ничего не беспокоило. Убив Джимми и заполучив Джеффри в качестве последователя – на данный момент единственного, – на велела ему показать ей город.

«Хочу поближе познакомиться с владениями, которыми вскоре стану править», – пояснила она.

Итак, Джеффри как мог устроил ей обзорную экскурсию по Коринфу. Несмотря на громкое название, смотреть в Коринфе было особенно нечего. Но поскольку он был единственным городом, который видела Адамантина, Джеффри полагал, что и так сойдет. Она вертела головой, обращая внимание на всё – прохожих, транспорт, магазины, – но выражение ее лица не выдавало ни мыслей, ни чувств.

«Может, их в самом деле нет, – предположил Джеффри. – Может, она просто приобретает опыт».

Очередное кафе привлекло ее внимание, и Адамантина, остановившись, спросила, зачем оно нужно. Джеффри попытался объяснить, что такое замороженный йогурт, но она с трудом понимала саму концепцию еды, не говоря уж о лакомствах. И тогда Адамантина приказала ему зайти внутрь и «раздобыть» ей йогурта.

Когда Джеффри вошел в кафе, в пустом животе заурчало от голода. Он взял плошку со столика около фризеров, наполнил ее клубничным йогуртом, прихватил с прилавка рядом с кассой ложечку и – так как денег у него не было – просто направился к двери. Место за прилавком пустовало: работающий на кассе подросток объяснял пожилому покупателю, как пользоваться фризером. В кафе было немного народу, люди ели за столиками или стояли перед

фризерами, выбирая йогурт, и никто не обратил на него никакого внимания. Джеффри не нравилось воровать, но мысль о том, что сотрудник кафе его остановит, после чего Адамантина пожелает узнать, что его так задержало, не нравилась ему еще больше. Она разозлится, начнет швыряться электричеством налево и направо и, возможно, поджарит всех присутствующих. Джеффри испытал облегчение, когда ему удалось незаметно выскользнуть из кафе.

Адамантина нерешительно поднесла ложку ко рту и на этот раз в самом деле попробовала ее содержимое. Она съела всего ничего, крохотную каплю, но этого оказалось довольно. Адамантина поджала губы, и ее передернуло.

– Весьма неприятное ощущение.

Она бросила ложечку в плошку и встала из-за стола. Джеффри последовал за ней, но прежде схватил плошку и жадно проглотил йогурт, вздрогнув, когда холодная масса скользнула по горлу. Не пропадать же добру. Быстро расправившись с едой, он бросил плошку и ложечку в урну и поспешил за Адамантиной. Она снова начала оглядываться, но у Джеффри создалось впечатление, что она уже не рассматривает город, а что-то ищет. Или кого-то. Он уже хотел было задать вопрос, но тут Адамантина резко остановилась и повернулась лицом к дороге. На другой стороне улицы стояла странная женщина – еще причудливее, чем Адамантина, – в окружении пяти мужчин и женщин. Она и ее спутники замерли, пристально на них глядя.

«Нет, – подумал Джеффри. – На меня им плевать. Они смотрят на Адамантину».

Женщина была выше Адамантины как минимум сантиметров на тридцать и казалась гигантом по сравнению с сопровождавшими ее людьми. У нее были мускулистые руки и ноги, широкие плечи и грудь. Она носила кожаный жилет со шнуровкой и кожаные же шорты, доходящие до середины бедра. В левой руке она держала белое копье, похожее на костяное. На улицах Коринфа это уже выглядело странно, но в довершение всего женщина была с головы до пят покрыта золотистой шерстью, а на пальцах ее рук и ног виднелись угрожающие на вид когти. Ее голова и лицо были скорее кошачьими, чем человеческими, а вместо волос на голове тоже росла шерсть. Джеффри решил, что она похожа на львицу, которой внезапно вздумалось прогуляться на задних лапах. И все же никто не осмеливался подойти к ней или сфотографировать ее на телефон.

Внезапно глаза Адамантины вспыхнули, а по серебристому телу пробежали искры. Женщина-кошка в ответ издала утробное горловое рычание, перехватила копье двумя руками и шагнула на проезжую часть. Двое компаньонов попытались последовать за ней, но она, обернувшись, рявкнула:

– Знайте свое место!

У нее был низкий гортанный голос, но слова прозвучали достаточно четко. Ее последователи вернулись на обочину и пристыженно опустили глаза.

Адамантина направилась к женщине-кошке. Она никак не дала понять, должен Джеффри идти следом или нет, поэтому он решил, что выбор остается за ним, и предпочел наблюдать со стороны. Дураку ясно, что женщина-кошка была таким же созданием, как Адамантина, и, судя по их, мягко говоря, недружелюбной реакции друг на друга, казалось разумным держаться подальше.

Машины притормозили, и напуганные сердитые водители принялись отчаянно сигналить. Обе женщины будто просто не замечали их присутствия. Они смотрели в глаза друг другу, казалось, остальной мир для них перестал существовать. Когда они остановились посреди дороги под светом уличных фонарей, их разделяло метра полтора.

– Я Адамантина.

– Я Уайлд.

Обмен именами прозвучал сухо и без эмоций, будто какой-то необходимый ритуал.

– В конце концов останется лишь один, – проговорила Адамантина, и Уайлд повторила ее слова.

Замолчав, женщины впились друг в друга взглядами, будто оценивая возможности соперницы. А потом Уайлд атаковала без предупреждения. Она сразу нанесла смертельный удар, целясь кончиком копья в горло Адамантины, но та блокировала его наручем, прежде чем острие успело воткнуться ей в шею. Кость громко царапнула по металлу, но следов на наруче не осталось.

Адамантина ударила Уайлд в грудь раскрытой ладонью левой руки, одновременно выпустив электрический разряд. Сила стремительно вырвалась из ее ладони и окутала Уайлд коконом пляшущей серебристой энергии. Женщина-кошка застыла и взревела от боли так громко, что Джеффри, поморщившись, зажал уши. Последователи Уайлд сделали то же самое, и так же поступили ближайшие к ним водители. Взорвались фары, треснули автомобильные стекла. Джеффри заскрипел зубами. Такое ощущение, что в уши вогнали раскаленные добела лезвия. Застонав от боли, он упал на колени. Возможно, рычание для Уайлд – то же, что электричество для Адамантины, звуковое оружие, куда более разрушительное, чем копье. Из носа и ушей заструилось что-то теплое. Джеффри понял, что это кровь, и испугался, что еще немного – и его мозг превратится в кашу.

Оглушительный рев Уайлд задел и Адамантину: отдернув руку, она отвернулась и зажала уши. Электрические разряды, пронизывающие тело женщины-кошки, тут же исчезли, оставив дымящиеся подпалины на шкуре и черный отпечаток ладони на кожаном жилете. Рычание оборвалось влажным щелчком. Уайлд поморщилась и сглотнула. Быть может, использование звукового оружия как-то повредило ей горло. Джеффри бы не удивился, учитывая громкость рычания. Уши у него болели адски, и в них стоял такой звон, что Джеффри ничего не слышал.

Глаза его, однако, остались в порядке. Выпрямившись и убрав руки от ушей, он увидел, что Адамантина все еще стоит спиной к Уайлд, зажимая уши. Пусть она была сильнее человека – наверное, намного сильнее, – она стояла ближе всех к женщине-кошке, и вся мощь звука пришлась на нее. Воспользовавшись моментом, Уайлд поудобнее перехватила копье и метнулась вперед, намереваясь вонзить его Адамантине между лопаток. Однако та почувствовала движение за своей спиной, круто развернулась и стремительно взмахнула рукой в когтистой перчатке. Металлические когти ударили по копью и отбили его в сторону. Уайлд, однако, не выпустила копье из рук, поэтому чуть не потеряла равновесие. Она отшатнулась влево, а Адамантина позволила инерции развернуть себя и атаковала снова, только на этот раз острые когти вонзились в левое плечо женщины-кошки. Адамантина опять выпустила электрический разряд, вырвав из глотки Уайлд рев, который был все еще оглушительным, но гораздо слабее. И все-таки уши болели жутко – Джеффри снова закрыл их ладонями. Он ожидал, что последователи Уайлд сделают то же самое, однако они опустились на колени, сцепив руки перед собой, склонив головы и оставив кровоточащие уши незащищенными. Поначалу Джеффри не понимал, что они делают, но затем его осенило. Они молились. За Уайлд или ей самой? Может, и

то и другое.

Именно в этот момент Джеффри понял, что за существа Уайлд и Адамантина, почему они обладают странными способностями и ищут последователей. Они боги или существа столь на них похожие, что разницы почти и нет.

«Я адепт психопатки с металлической кожей, – подумал Джеффри. – Чего только жизнь не выкинет».

Уайлд продолжала рычать, но ее голос звучал с надрывом, а из уголка рта начала сочиться кровь.

«Она повредила что-то внутри», – подумал Джеффри и представил, как ее голосовые связки расслаиваются подобно переваренному мясу.

Адамантина сжимала зубы, а из ее ушей и носа хлынуло темное серебро, которое, очевидно, было у нее вместо крови. Должно быть, она испытывала сильную боль, но даже если так, не обращала на нее внимания, продолжая отправлять электрические разряды в тело Уайлд. Женщина-кошка билась и дергалась, от ее шерсти и изо рта поднимался дым, словно она поджаривалась изнутри. Рычание стихало и в конце концов стало не громче мяуканья котенка. Из ее голоса ушла вся сила, и Джеффри, сообразив, что звуковая бомбардировка окончена, опустил руки. Адамантина выдернула когти из тела Уайлд быстрым яростным движением, разорвав плоть, и из раны хлынула кровь. Уайлд перестало сотрясать разрядами. Она рухнула на асфальт и осталась лежать неподвижно, тяжело дыша и полуприкрыв глаза, будто вот-вот готова была потерять сознание.

Адамантина с широкой улыбкой взирала на поверженную соперницу.

– Прости, сестра моя, но, как тебе известно, в конце концов останется лишь один.

Она выдернула костяное копье из безвольных пальцев Уайлд, перехватила его обеими руками и без колебания вонзила женщине-кошке в грудь. Уайлд пронзительно взвизгнула, а ее последователи вскрикнули в отчаянии. На губах Уайлд запузырилась кровь, она схватилась за копье и попыталась выдернуть его, но Адамантина налегла на оружие всем телом, и шансов у Уайлд не

осталось. Спустя несколько секунд ее руки безвольно упали, глаза остекленели, а дыхание остановилось.

Адамантина вынула копье из груди Уайлд и подняла его над головой. С наконечника капала кровь.

– Я осталась в живых! – провозгласила она.

Будто в ответ тело у ее ног начало излучать белый свет, который становился все ярче и ослепительнее, пока труп женщины-кошки не перестал быть виден. А потом, так быстро, что Джеффри едва разглядел движение, вся энергия собралась в сферу размером примерно с футбольный мяч и метнулась к Адамантине. Шар света ударил ее в грудь, но не сбил с ног, а исчез, будто поглощенный ее телом. Труп Уайлд тоже исчез, и теперь ничто не напоминало о том, что женщина-кошка вообще существовала, даже крови на асфальте не осталось.

Глаза Адамантины на мгновение вспыхнули ярким бело-голубым светом – они засияли даже ярче, чем бывало, когда она злилась, – а после того, как свет угас, Джеффри заметил, что ее уши и нос больше не кровоточат. Вся серебряная кровь бесследно исчезла.

Он не знал наверняка, что случилось, однако похоже было, что, убив Уайлд, Адамантина как-то вобрала ее в себя. Интересно, ее силу тоже?

Пятеро последователей Уайлд – некоторые утирая слезы – вышли на дорогу и подошли к Адамантине. Трое – двое мужчин и женщина – упали на колени и склонили головы. Двое – пожилая женщина и юноша, почти подросток, – остались на ногах.

– Госпожа, – хором проговорила стоящая на коленях троица, приглушенно и благоговейно.

Адамантина посмотрела на тех двоих, которые не склонились перед ней, и подошла к ним вплотную.

– А вы? – поинтересовалась она. – Вы тоже присягнете мне в верности?

Женщина и молодой человек, переглянувшись, посмотрели Адамантине в лицо. Они оба выглядели напуганными – по щекам парня катились слезы, – но все же помотали головами.

– Мы принадлежим Уайлд, – сказала женщина. – Навсегда.

– Д-да, – поддакнул, всхлипнув, юноша.

– Я ценю вашу преданность, – проговорила Адамантина. – И вашу искренность. Теперь обретите покой.

Когтистая перчатка мелькнула в воздухе, и двое рухнули с почти до конца оторванными головами, заливая асфальт кровью.

Адамантина вернулась к преклонившим колени людям. С ее наруча капала кровь. Она взглянула на них, словно раздумывая, что с ними делать. В ее глазах блеснули электрические искорки, и на мгновение Джеффри испугался, что она убьет и остальных. Но Адамантина шагнула вперед и, даже не стерев кровь с наруча, по очереди положила ладонь на голову каждому из троицы. А потом приказала им подниматься и следовать за ней. Они беспрекословно подчинились. На их волосах начала запекаться кровь погибших спутников.

Адамантина вернулась к Джеффри. Она принесла с собой копье и привела новых последователей. Хотя сражение двух богинь посреди дороги закончилось, машины не трогались с места. Некоторые водители тоже пострадали от звуковой атаки Уайлд, остальные таращились на два брошенных трупа с открытыми ртами, будто не могли поверить увиденному.

Копье Уайлд засияло тем же светом, что ранее ее тело. Адамантина впилась в него взглядом и сосредоточенно нахмурилась. Спустя несколько мгновений свет погас, а копье осталось. Улыбнувшись, Адамантина удовлетворенно кивнула. Джеффри заметил, что она изменилась, но не мог понять, как именно. Внешность тут была ни при чем: Адамантина выглядела точно так же, как при первой встрече. Но теперь ее харизма была ярче, а расходящиеся от богини волны властности ощутимы физически. Она казалась более реальной, ее присутствие чувствовалось сильнее. И она была великолепна.

Адамантина улыбнулась и кивнула на копье:

– Это я сохраню. Пусть служит напоминанием о моей первой победе.

– И далеко не последней. – Джеффри улыбнулся своей богине.

Новые последователи стояли поодаль, опустив глаза, будто боялись Адамантину. Джеффри не мог их за это винить.

– Апофеоз начался, Джеффри, – проговорила Адамантина. – Знаешь, что означает это слово?

Он порылся в памяти, но не смог вспомнить ничего похожего.

– Нет, моя госпожа.

– Это процесс возвеличения до божественного состояния. В новую эру рождаются новые боги, Джеффри, но только один из нас выживет, чтобы остаться здесь навечно.

Он вспомнил, что произносили они с Уайлд перед битвой. В конце концов останется лишь один.

Адамантина продолжила:

– Мы сражаемся друг против против друга в смертельной битве, и победитель получает силу проигравшего. Чем больше битв мы выигрываем, тем больше набираемся сил, и все это продолжится, пока не останутся двое самых могущественных. И тот, кто победит в последней битве, получит силу всех богов, рожденных во время Апофеоза, и главный приз – бессмертие. – Она устремила сияющий взор вдаль. – Этот приз достанется мне, Джеффри, и ради этого я сделаю все возможное.

В этом он не сомневался. Он подумал о Джимми, о мертвых женщине и мужчине. Интересно, после окончания Апофеоза в Коринфе останется хоть один живой человек или бог, помимо Адамантины? Или она будет в одиночестве расхаживать по залитым кровью улицам, оставшись единственной выжившей богиней?

Искорки в глазах Адамантины потухли, и она повернулась к Джеффри.

– Теперь, когда я одержала первую победу, пришло время для следующего шага.

– И какого же?

– Разве это не очевидно? В мою честь должен быть воздвигнут храм.

Джеффри бросил взгляд на троих новых «рекрутов».

– Нам понадобится больше строителей.

Глава 4

Сэм и Дин въехали в Коринф вскоре после десяти вечера. Оба были в форме ФБР – обычное прикрытие во время расследования. Одежда и соответствующие поддельные удостоверения обычно действовали на местных представителей закона воистину чудотворно: те были только рады помощи федеральных агентов в разборках со странными событиями, происходившими в их городе. Дин оттянул воротничок, пытаясь ослабить его. Он ненавидел костюм – и особенно не любил галстук, – но эта одежда в их деле была не менее полезна, чем святая вода и серебряные пули, и лишь по этой причине Дин ее терпел. И всегда радовался, когда по ходу расследования можно было вернуться к привычной одежде.

Окраины Коринфа выглядели обычно. Некоторые районы пригорода были побогаче, некоторые победнее, но в целом не сильно отличались. На газонах тонким слоем лежал снег, многие дома уже щеголяли рождественскими украшениями: с крыш подмигивали гирлянды, перед окнами стояли наряженные елки, а во двориках – надувные снеговики и Санта Клаусы. Но встречались и менее узнаваемые украшения. Перед одним домом с большого дуба свисали длинные полосы из черной ткани, перед другим на подъездной дорожке громоздилась груда камней, увенчанная черепом животного – то ли енота, то ли

опоссума, – третий испещряли странные разноцветные символы, не знакомые ни Сэму, ни Дину.

Дин повернулся к брату.

– Может, у них тут конкурс декораций? – предположил он. – И первый приз достанется дому, украшенному хуже всех?

Сэм улыбнулся шутке.

– Что бы тут ни происходило, это затронуло не один дом.

– Думаешь, оно распространилось по всему городу?

Сэм пожал плечами.

– Не берусь сказать наверняка, но вряд ли. Большая часть украшений вполне соответствует времени года.

– Ну да.

Обычно дело касалось только нескольких людей. Сверхъестественные хищники старались действовать скрытно, чтобы не привлечь внимание охотников. Именно поэтому они забивались подальше и старались ограничивать себя в убийствах. Так что Сэму и Дину обычно удавалось найти и уничтожить напасть прежде, чем она могла расползтись, подобно инфекции. Но некоторые твари вели себя не столь осторожно, ну или в их природе было заложено стремление как можно быстрее и дальше распространить зло. Такие дела Дин ненавидел. Во-первых, сложнее было обнаружить источник проблемы, во-вторых, страдало слишком много ни в чем не повинных людей, и братьям никогда не удавалось спасти всех. А судя по увиденному в Коринфе, пока похоже было на то, что дело предстоит именно такое.

«Ну супер», – подумал Дин.

Сам того не замечая, он лениво поскреб Метку, будто та раздражала кожу.

Винчестеры ехали к центру города, подмечая и другие странно украшенные дома. Дин пробыл охотником большую часть жизни, и нагнать на него жуть было нелегко. Но что-то в этих домах его пугало. Отчасти – их количество, отчасти – то, насколько странно они выглядели. Однако больше всего, думал Дин, его тревожит тот факт, что, несмотря на странный внешний вид, все дома со стороны кажутся тихими и мирными. И все же он не мог не гадать, что творится внутри. Дин не сомневался, что что-то плохое. Вопрос в том, насколько плохое.

– Глянь-ка, – сказал Сэм.

Слова брата отвлекли его от размышлений. Обернувшись к Сэму, Дин увидел, что тот показывает на ветровое стекло. Посмотрев в указанном направлении, Дин разглядел синагогу. Он остановил «Импалу» у обочины перед зданием, не заглушив двигатель. Синагога смахивала на младшую школу: два этажа, простая прямоугольная конструкция, бледно-оранжевый кирпич, стеклянные двери с хромированными ручками. К кирпичу над главным входом была привинчена табличка: «Храм Бет Исраэль». По крайней мере, Дин решил, что называется синагога именно так. Некоторых букв недоставало, оставшиеся почернели и искорежились. Кирпичи вокруг знака были словно обожжены огнем, а нескольких недоставало, будто их выбили.

«Причем взрывом», – подумал Дин.

В газон перед синагогой был вкопан столб, а на нем висела еще одна табличка, деревянная. На ней красными буквами значилось: «Предвестники Багрового Ока», а внизу был грубо изображен глаз.

Братья несколько мгновений разглядывали табличку, затем Дин медленно отъехал от синагоги. По дороге к центру они миновали еще два религиозных центра. Один был когда-то унитарианской церковью, но теперь, если верить выцарапанным прямо на стене здания буквам, именовался «Чертогом Отчаяния», второй был мечетью под названием «Исламский центр Коринфа», покрытой толстыми зелеными лозами вьющегося растения. На ведущей ко входу в здание дорожке зеленой краской было написано одно слово: «Вердант»[6 - От англ. verdant – зеленый.].

– Чем дальше, тем хуже, Сэмми.

Дин снова почесал Метку, и на этот раз жест не укрылся от Сэма.

– Метка тебя беспокоит?

– А? – Дин только сейчас понял, что делает. Он перестал чесать предплечье и снова опустил руку на руль. – Все в порядке.

Но теперь, когда Сэм обратил его внимание на Метку, Дин осознал, что она зудит. Не сильнее, чем комариный укус, но это чертовски раздражало. По всей видимости, зуд усиливался по мере приближения к центру города, но Дин говорил себе, что ему только кажется. По крайней мере, он на это надеялся.

На первый взгляд центр Коринфа походил на все прочие городки Среднего Запада, в которых братья побывали за много лет, но вскоре стали заметны некоторые отличия. Несмотря на холод и позднее время, на улицах было немало народу. Некоторые люди куда-то торопливо шли, кто-то слонялся поодиночке, но большинство стояли и разговаривали, сбившись в группки. Беседы они вели оживленные: громко говорили, некоторые почти кричали и сердито размахивали руками. Одиночки либо таращились в пространство и быстро шевелили губами, будто разговаривали сами с собой или с кем-то, невидимым постороннему глазу, либо стояли, свесив головы и сцепив перед собой руки, словно молились. Некоторые держали самодельные плакаты со слоганами: «Поддержите местного бога» и «Конец не здесь – здесь ОНИ!». К тому же многие магазины и кафе тоже выставили странные украшения в окнах, развесили на дверях или фасадах. Некоторые Дин уже видел по пути сюда, другие были ему незнакомы.

– Кажется, весь чертов город слетел с катушек, – заметил он.

Братья свернули за угол и увидели, что улица перегорожена несколькими полицейскими машинами с мигалками. Посреди дороги стоял фургон парамедиков, движение с другой стороны тоже перекрывали автомобили полицейских.

Дин припарковал «Импалу» у обочины, и они с Сэмом выбрались из машины. На противоположной стороне улицы женщина-парамедик беседовала с мужчиной в униформе шерифа. Невдалеке лежали два трупа – пожилой женщины и мальчика-подростка, – обильно залитые кровью. Один из помощников шерифа фотографировал тела, запечатлевая детали места преступления.

– Похоже, мы пропустили все веселье, – заметил Дин.

Помощники шерифа опрашивали свидетелей, два парамедика хлопотали над группой людей около фургона. Дин не мог понять, что именно случилось с ранеными, но видел, что у них течет кровь из носа и ушей. За полицейскими ограждениями собралось с десяток машин. Некоторые водители сидели внутри, другие стояли на улице, разговаривая с людьми шерифа или принимая помощь медиков. Их лица застыли от шока, многие плакали.

– Тут явно случилось что-то серьезное, – проговорил Дин.

– И дерзкое, – добавил Сэм. – В открытую и при свидетелях.

– Если тварь не прячется, ее легче замочить.

– Чем она наглее, тем больше людей погибнет, – возразил Сэм.

– Тоже правда, – согласился Дин.

Братья приблизились к женщине, стоявшейвозле одной из полицейских машин, и, не успела она и рта открыть, показали ей удостоверения сотрудников ФБР. Женщина их пропустила.

– Шериф Дикон там. – Она указала на мужчину, находившегося рядом с трупами.

«Ну а где, блин, еще?» – подумал Дин.

Но они все равно поблагодарили женщину и направились к шерифу.

Дикон был подтянутым мужчиной лет сорока, с густыми черными волосами и пышными усами.

«Как в порнушке семидесятых», – подумал Дин и принялся гадать, как он выглядел бы с такими усами. Наверное, таким же долбанутым, как этот мужик.

Как и его помощники, шериф был одет поверх рубашки в длинную коричневую куртку с логотипом «Офис шерифа округа Аллан», вышитым на рукаве. Он беседовал с парамедиком, высокой женщиной, собравшей светлые волосы в хвост. Она тоже накинула поверх униформы куртку. На плече были вышиты красные и белые полоски, а на левой стороне груди – медицинский символ. Женщина то и дело поглядывала на тела.

Когда братья подошли поближе, Дин разглядел на шеях жертв глубокие порезы, которые почти отделили головы от туловищ. Дину иногда казалось, что они с Сэмом повидали больше трупов, чем работники похоронного бюро, но им редко доводилось видеть нечто настолько ужасное.

Шериф Дикон развернулся к Винчестерам, и те показали удостоверения.

– Агенты Холли и Валенс, – представился Дин.

Шериф приподнял бровь и улыбнулся.

– А прихватить с собой Биг Боппера[7 - Бадди Холли, Ричи Валенс, Биг Боппер (настоящее имя Джайлс Перри Ричардсон младший) – американские рок-музыканты, которые погибли в авиакатастрофе в 1959 году.] вы позабыли, ребята?

Братья сохранили каменные выражения лиц, но Дин подумал: «Шикарно, нас угораздило нарваться на поклонника старого рок-н-ролла».

Поскольку братья промолчали, шериф перестал улыбаться.

– Наверное, вы эту шутку уже слышали, – сказал он.

– Вообще-то нет, – отозвался Сэм.

«В следующий раз скажем, что нас зовут Кохид и Кэмбриа»[8 - Coheed And Cambria – американская группа, выступающая в жанре прогрессивного рока.], – решил Дин.

– Какие-то проблемы, шериф?

– Вы же шутите, да?

Парамедик, взглянув на Сэма и Дина, повернула голову к шерифу.

– От меня тут проку мало. Пойду помогу раненым водителям.

– Хорошо, Гейл, спасибо.

Женщина – Дин нашел ее по-деловому привлекательной – кивнула и направилась к фургону парамедиков, больше не удостоив братьев взглядом.

Дин посмотрел ей вслед и пробормотал:

– Люблю, когда они изображают недотрог.

– Простите? – спросил шериф.

Сэм бросил на Дина возмущенный взгляд, и тот откашлялся.

– Мы узнали, что в вашем городе происходят странные смерти, – Дин кивнул на тела. – Наглядный тому пример.

– Можете рассказать, что случилось? – добавил Сэм.

Прежде чем ответить, шериф велел фотографу пойти и помочь остальным. Тот кивнул и, сделав последний кадр, удалился. Тогда шериф снова повернулся к Сэму и Дину.

– За пару недель тут много чего странного произошло, но в последние дни становится все хуже. Как будто… – Он осекся.

– Как будто что? – подбодрил Сэм.

Шериф очень неуверенно договорил:

– Как будто что-то грядет. И это что-то подбирается все ближе.

Братья переглянулись. Некоторые люди более чувствительны к сверхъестественному миру и способны ощущать, пусть лишь подсознательно, присутствие вокруг необычных сил. Вероятно, шериф Дикон как раз из их числа.

Шериф рассказал братьям все, что произошло, – то, что они знали со слов свидетелей. Когда он закончил, Сэм спросил:

– Кто-нибудь видел, куда отправилась серебряная женщина?

Шериф мотнул головой.

– Пока нам известно только то, что она ушла в сопровождении группки людей. Скорее всего, они постараются как можно быстрее убраться из города. Если, конечно, они достаточно сообразительны.

Дин в этом очень сомневался. Что бы ни происходило в Коринфе, оно оставалось в пределах города, и эта «серебряная женщина» была частью происходящего. Она и ее последователи останутся в Коринфе до самого конца.

– Как вы можете объяснить суперспособности, которыми, согласно показаниям очевидцев, владела женщина? – спросил Сэм.

– Технологии, – уверенно отозвался шериф. – У женщины-кошки было какое-то акустическое устройство широкого радиуса действия, а серебряная женщина использовала навороченный электрошокер.

– А странно они выглядели… – начал Сэм.

– Из-за костюмов. Они не единственные, кто на этой неделе наряжается и устраивает бои на улицах. – Он быстро взглянул на трупы. – Хотя это происшествие в самом деле одно из самых кровавых. Обычно прохожих не трогали.

– Как вы считаете, что вызвало подобную вспышку насилия? – спросил Сэм. – Активизировались банды?

– Или это члены хэллоуиновского бойцовского клуба? – добавил Дин.

– Религиозные психи, – твердо ответил шериф. – Пару недель назад они начали организовывать свои собственные странные церкви, иногда даже в помещениях действующих храмов. Поначалу таких было немного, а потом они полезли как грибы после дождя. Уверен, вы уже заметили чудные украшения на домах и магазинах, когда въезжали в город. Ну, и странные костюмы тоже из-за культов.

Шериф посмотрел на подъезжавший к месту преступления черный фургон.

– Отлично. Судмедэксперт здесь. Теперь сможем как следует все изучить. Того и гляди какие-нибудь сектанты прибегут и начнут молиться или петь или черт знает что еще возле трупов делать, чего я бы предпочел избежать. Вы пока можете расспросить свидетелей. Приезжайте в участок в любое время, если захотите взглянуть на отчеты по другим происшествиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Строчка из рождественского гимна на стихи Генри Лонгфелло «Рождественские колокола».

2

Джек Фрост – персонаж английского фольклора, олицетворяющий собой зиму.

3

Дрейдл – четырёхгранный волчок, с которым дети играют во время еврейского праздника Хануки.

4

Джон Ву – китайский и американский режиссер экшн-фильмов.

5

Коринфская кожа – так называют дорогую обивку салонов некоторых роскошных автомобилей марки Chrysler.

6

От англ. verdant – зеленый.

7

Бадди Холли, Ричи Валенс, Биг Боппер (настоящее имя Джайлс Перри Ричардсон младший) – американские рок-музыканты, которые погибли в авиакатастрофе в 1959 году.

8

Coheed And Cambria – американская группа, выступающая в жанре прогрессивного рока.

Купить: https://tellnovel.com/vaggoner_tim/sverh-estestvennoe-mifotvorec

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити